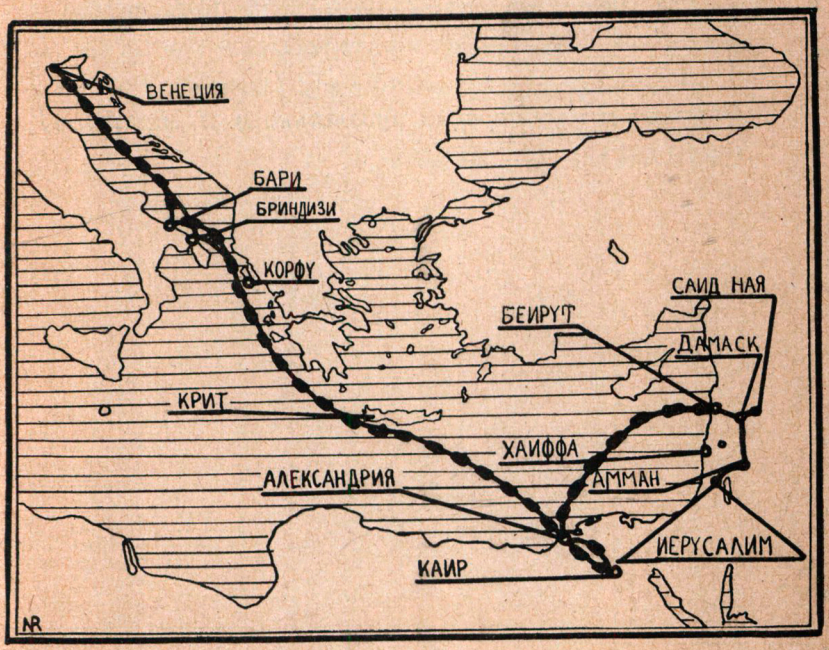
Людмила Рапапортъ

Что я видѣла на Святой Землѣ

ЛЮДМИЛА РАПАПОРТ

Что я видела на Святой Земле



Париж — 1953

Обложка и иллюстрации художника В. П. НЕШУМОВА.

Copyright 1953 by the author

Доктору Николаю Константиновичу Рапапорту,
моему дорогому супругу,
настоявшему на моей поездке с паломниками,
поощрявшему меня при написании этой книжки
и давшему возможность выпустить ее в свет
с глубокой благодарностью посвящаю ее.

ЛЮДМИЛА РАПАПОРТ

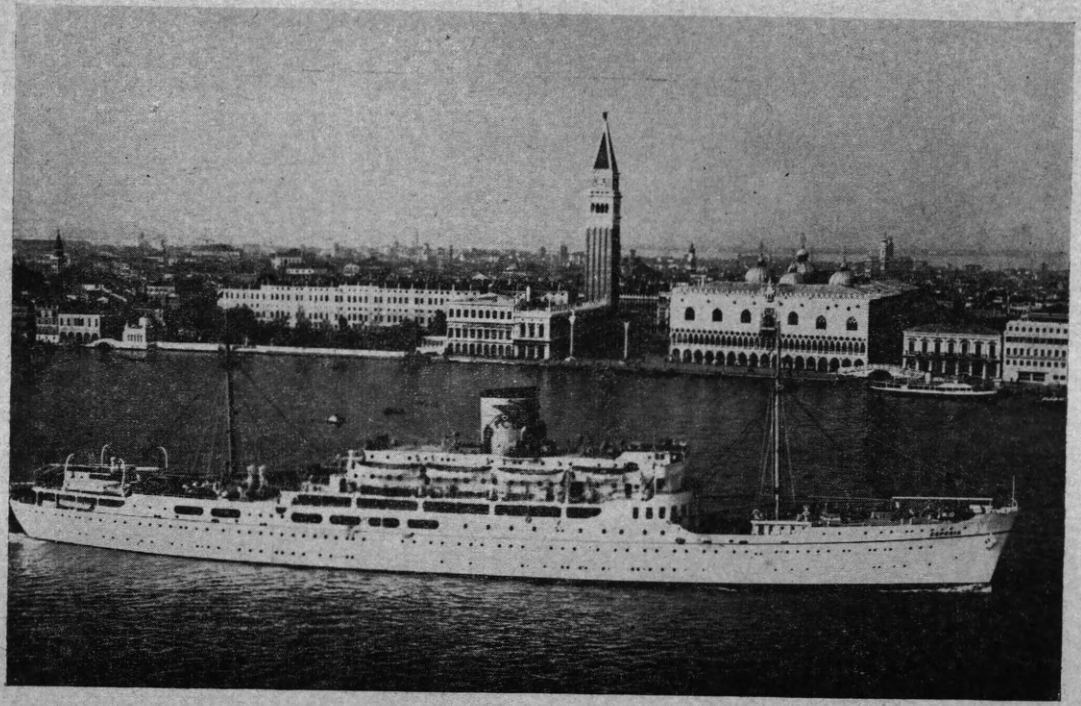


Рис. 1 — **«Esperia» в Венеции**

Cliché Adriatica

ПРЕДИСЛОВИЕ

Святые места на Святой Земле издавна влекли к себе верующих. Мы знаем из предания, что Пречистая Матерь Божия любила бывать на Елеоне и в Гефсимании, где и заповедала Себя похоронить. Несомненно и ученики Христовы и христиане первых веков стремились к местам, освященным стопами Господа. Святая равноапостольная царица Елена в начале IV века проявила особую ревность к этим местам и многие из них украсила храмами. Из века в век христиане-паломники со всех стран света шли в Св. Землю. Были среди них знатные и простые, богатые и бедные, святые и грешники. Шли поклониться, помолиться, освятиться. Первым известным русским паломником был игумен Даниил. Он посетил Св. Землю в самом начале XII века, и подробное описание его изумительного путешествия сохранилось до наших дней, являясь ценнейшим историческим документом. За ним пошли и другие; из них нельзя не упомянуть преп. Евфросинию кн. Полоцкую, там и скончавшуюся. До второй половины XIX века эти путешествия были до крайности трудны и опасны. Но в 1882 году было основано Императорское Православное Палестинское Общество, которое приняло на себя заботу о паломниках и очень облегчило русским людям возможность посещения

мест Палестины. Тысячи и тысячи поклонников ежегодно устремлялись к Живоносному Гробу Господню, к Божественной Голгофе, к Вифлеему, на Иордан и к другим святым местам. Шли для молитвы, шли, чтобы духовно очиститься, окрепнуть, возродиться. Это все прервалось с войной 1914-го года. Не только прекратилось паломничество из России, но и русские люди, проживавшие в Палестине в русских монастырях и на русских владениях, оказались в очень тяжелом положении. В отрыве от родины, лишенные общения с русскими паломниками, они стали терпеть большие лишения и тяжелые душевные переживания. Это продолжалось десятки лет. Только в 1952 г. по благословению митрополита Владимира было организовано из Парижа групповое русское паломничество. В нем приняло участие 28 человек из Франции, Бельгии и Швейцарии. Это были люди различного возраста и различного положения, но всех их влекла Св. Земля, желание помолиться там за себя, за близких, за Россию, поклониться святыням, духовно укрепиться. Все за время путешествия пережили очень много, но переживания эти были различны и соответствовали тому или иному духовному состоянию паломника. Записки Людмилы Александровны Рапапорт, которая так охотно и успешно возглавляла паломнический хор, передают ее личное восприятие путешествия. Читателю ее книги надо помнить, что это не отчет о паломничестве и не объективное повествование о нем, а лишь впечатления одной из его участниц. Большое количество иллюстраций в этой книге увеличивает ее интерес и ценность.

Архимандрит МЕФОДИЙ

30.-17 декабря 1952 г.

I. В ДОРОГЕ

Отъезд

АК мы погрузились, расселись по купе, распрощались с провожающими, — все это обыденное, всем знакомое. Кому не мил первый день путешествия, когда каждый сближается со спутниками, делится съестными припасами и рассказывает про свою оставшуюся дома семью.

Мы двинулись в путь 15-го августа с утренним поездом. Утомленные 20-часовым путешествием доехали до Венеции и перегрузились на прекрасный пароход «Esperia» (рис. 1).

Мне в первый раз приходилось совершать длинное плавание. Я изучала все происходящее; смотрела, как развязывали канаты, подымали якорь, распускали флаг и складывали трап. Корабль тянули на буксире, прежде чем он пустил в ход свои могучие винты.

Я следила также за происходящим на суше, где веселые итальянские прощания сопровождались маханием платков, шутками, смехом. Здоровая, холеная собака-волк, бегающая по краю пристани, в волнении ищущая на палубе, умными глазами, удаляющегося хозяина, завершала приятно оживленную картину.

Отошедши в море, мы начали организовывать нашу новую — **паломническую** — жизнь. Наша группа, состоявшая из 28 человек, по числу мест в автокаре, была на редкость разношерстная. Возглавлялась она тремя священниками; в числе ее были одна монахиня, два чтеца, две псаломщицы и две регентши.

Мы зажили мирно, все подружились, а к концу путешествия как будто породнились. Будучи людьми церковными, мы все с воодушевлением выстаивали

богослужения, которые начались уже на палубе, где мы ежедневно справляли обедницу и вечерню.

Лето было в полном разгаре, и с Венеции мы начали страдать от жары. Спасались, как могли: искали ветра, тени, брали душ, в каюте устраивали сквозняк. Море простиралось синее, неподвижное. Незабываемая картина, — когда из-за нежного, чистого, гладкого горизонта выплывает утреннее солнце или когда в далекой дымке вырисовывается грациозное очертание розоватого побережья Греции.

У Святителя Николая

В воскресенье 17-го августа, в 8 часов утра, мы причалили в Бари.

Настоятель русского прихода — отец Андрей, принял на себя заботу о паломниках, в течение двухчасовой остановки парохода. Мы разместились в заказанном им, и поданном на самую пристань автокаре, и отправились к знаменитой базилике.

Как всякий итальянский город, Бари имеет свою физиономию. В нем веет южным дыханием. Он залит ярким солнцем. На улицах цветут олеандры, и зеленеют лотки с арбузами.

Храм и его площадь (рис. 2) своей тяжеловесной структурой, своими голыми, каменными стенами, полным отсутствием орнаментации, похож на крепость. Какой контраст между величественной серьезностью, собранностью Бари и легкой, вычурной грацией своеобразно прелестной Венеции!

Мы вошли в пустой, светлый, большой храм, в боковом проходе которого нам указали лестницу. Когда мы спустились, перед нами предстала незабываемая картина: под низкими романскими сводами полуподземной небольшой церкви (рис. 3) скупые дневные лучи поглощались обильно разлитым свечным заре-

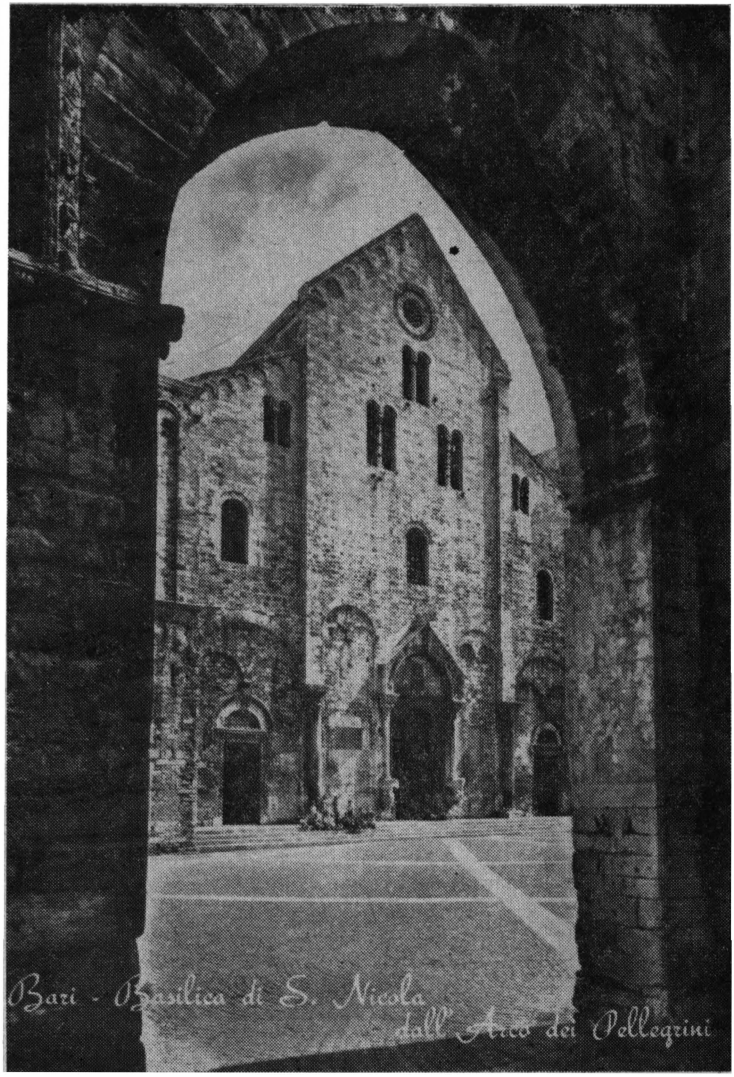


Рис. 2 — **Храм Святителя Николая в Бари** *Клише «Вѣчное»*

Рис. 3 — **Бари. Нижняя церковь** *Клише «Вѣчное»*

вом. Огромные, бесчисленные свечи, растопленные пламенем пылающих фитилей, испускали в нагретом воздухе свою ароматную восковую душу. Свечи стояли на подсвечниках. Свечи колебались в руках молящихся. При ярком золоте их света я любовалась мистической вдохновенностью обстановки этого близкого нашему духу храма, его лампадами, богато разукрашенным потолком и коленопреклоненной набожной толпой.

Громкими волнами полились славянские песнопения. Примерно внимательные итальянцы отвечали им своими вздохами и слезами. Поощренные глубокой верой и пламенной любовью этого простого народа, наши согретые сердца еще усерднее молились.

Когда молебен кончился, нас пустили в алтарь. Поочередно мы ложились на пол под престолом, чтобы

приложиться к стеклянному окошечку, через которое виднелись хранимые внизу мощи Святителя.

Этот молебен так тесно соединивший у святых останков божественного угодника два вероисповедания, остался глубоко памятным всем паломникам.

В Бари мы осмотрели еще русскую церковь Святителя Николая, сооруженную Императорским Православным Палестинским обществом, и во-время вернулись на «Esperia».

Наш путь лежал вдоль Корфу и Крита. Мы, проезжая мимо их скалистых берегов, помолились Святителю Спиридону Тремифундскому и Преподобному Андрею Критскому, память которых связана с этими двумя островами.

19-го августа, в день Преображения Господня, мы прибыли в Александрию.

Знакомство с Египтом

У двадцати из нас были нансеновские паспорта, и Египетская охрана не пустила нас на свою территорию. Нам осталось только с палубы наблюдать за происходящим на пристани. Эти сцены не были лишены своеобразного интереса.

Египетский тип очень отличается от алжирского, или негритянского, которых мы встречаем на улицах Парижа. Кожа у Египтян смуглая, как у мулатов, но с красноватым, а не оливковым оттенком. Лица у них круглые, с крупным носом, и слегка выпуклыми, широко поставленными глазами. Они большого роста, полные, даже толстые, и очень сильные.

В своей мимике и костюме они проявляют театральный вкус. Жестикулируют они своеобразно: низко кланяются, прикладывают длинные пальцы ко лбу, к сердцу, к коленям. Мальчишки, юркие как обезьянки, выразительными знаками просят «бакшиш» (*), обая-

(*) «Дай милостыню, дай на чай».

тельно улыбаются, и когда получат — без конца благодарят.

Весь народ одет ярко, пестро, словно ряженные на карнавал. Матросы — в коротких белых курточках, туго стянутых на толстых животах, с синим воротником, окаймленным тремя белыми галунами, как бывало модно носить в моем детстве, и в шапочке с ленточкой. Агент пароходного общества «Adriatica», в синем лапсердаке поверх шаровар, с красной феской, и золотой цепочкой с побрякушками, висящей из кармана. Городовые в желтой опереточной форме: с попоной на затылке, и с огромным страшнющим ружьем в руках, для большей важности. По палубе и пристани шныряют носильщики и босяки в длинных полосатых платьях, с тюрбанами на голове. Толстые женщины с головы до ног закутаны в черную накидку; лица у них закрыты черной кружевной сеткой.

Но более всего картинен продавец охлажденного чая. У него светлая рубашка и яркокрасная юбка. Поперек плеча ремнями прикреплен к его животу род самовара, и на поясе висят в специальных петлях с полдюжины стаканов и сосуд со льдом. Он бряцает медными кастаньетами, чтобы привлечь внимание покупателя, и когда находит клиента, живо прополоскав стакан, подносит ему свой напиток. Египетский «чаенос» блестит медью, сталью и стеклом на ярком египетском солнце.

Оживление этой толпы неописуемо. На пристани выставлены сотни кожаных сумок, чемоданов, шлепанцев для продажи, и торговцы зазывают клиентов с парохода, при помощи веревки поднимают на палубу свой товар, торгуются, волнуются, разыгрывают целые представления.

Другие приносят и продают бананы, арбузы, газеты, открытки. Конкуренция порождает ссоры, ругань. Спор то и дело кончается дракой. Долго мы, перегнувшись через перила палубы, смотрим на это зрелище.

Но вот причалил другой пароход, и на нашей разом опустевшей пристани, остался лишь один ловкий, гибкий фокусник, в потертом европейском костюме, который еще долго, для нашего развлечения, с очаровательной, веселой улыбкой, глотал саблю и выплевывал цыплят, да еще три маленькие, уродливые, худые собаки, похожие на голодных шакалов, — яркий контраст с холеной «итальянкой», провожавшей нас в Венеции. Они меня как бы подготовляли ко всем несчастным, невообразимо жалким животным, которых мне пришлось видеть в Малой Азии.

Благодаря хлопотам секретарши паломничества — Е. И. Сл., на следующее утро нас пустили, часа на три, погулять по Александрии. Мы увидели дворец бывшего короля Фарука, пляж, элегантный квартал «Corniche», осмотрели одну мечеть и православное кладбище. В красивой православной церкви мы приложились к камню, на котором, по преданию, терпела пытки Святая Великомученица Екатерина. Мы посетили Патриархию, прогулялись по торговой, центральной улице, полюбовались оживленной толпой, мавританским стилем построек и экзотическими, невиданными растениями.

При отчаливании мне пришлось сделать еще интересное наблюдение. Провожающие и уезжающие повынимали огромные платки и стали вытирать глаза, делая вид, что плачут. Кому удалось расплакаться по-настоящему, тот открывал лицо, чтобы все видели его красные, мокрые глаза и опухший нос; а у кого слезы не пошли, прятался в платок, стонал и всхлипывал. Первый раз эта комедия меня крайне удивила, а потом я поняла, что это — протоколы восточного приличия, и с интересом ожидала при каждом отъезде повторения этой «душераздирающей» сцены.

Малая Азия

21-го августа «Esperia» благополучно причалила к берегу Малой Азии, и мы спустились в Бейруте. Тут представители местной русской колонии приняли нас. Под палящим солнцем они нас повезли, по многолюдным улицам, осматривать достопримечательности.

Св. Великомученик Георгий недалеко от города претерпел свой мученический подвиг; мы посетили православную церковь, посвященную Его памяти, и помолились Святому Победоносцу.

Затем мы направились в Дом Движения Арабской Христианской Молодежи, где нас ждало приготовленное угощение.

Мы выслушали здесь доклад молодого студента, через него ознакомились с положением православия на Среднем Востоке и услышали зов православных арабских братьев. Молодой, кипящий деятельностью Ливан, является как бы инкубационным сосудом, где бродит множество вероисповеданий. Православие, лишенное могучей поддержки России, должно защищаться своими собственными силами. Чтобы не быть стертой окружающими мощными религиями, молодежь, незыблемо приверженная к вере праотцев, объединилась, чтобы защищать ее и распространять в подрастающем поколении.

После завтрака мы посетили Ливанского Митрополита, Владыку Илию, и, наконец, отправились в путь на нашем автокаре, к виднеющимся недалеко высоким горам.

Начался подъем на Ливан. Весь этот склон горы заселен. Жители Бейрута проводят время своего отдыха тут — на своих дачах.

По дороге идет интенсивное движение — автокары, такси, собственные автомобили летят вперегонку. Гуляет элегантная публика. Всюду строят новые дома. Растет высокое здание будущего университета... Но

все это наносное богатство плохо маскирует бедность каменистой, горной почвы, на которой с трудом, террасами, растут реденькие оливки, а вдоль дороги мало тенистые эвкалипты. Траву, нашу милую, свежую, яркозеленую траву надо было забыть до самого возвращения: здесь ее совсем не существует.

Мы поднялись до 1.500 м. выше уровня моря, потом спустились в плодоносную долину, за которой новый подъем на Антиливан.

После этой второй цепи гор, нам предстояла первая восточная граница: в пустынном ущельи стоят два-три примитивных здания; шлагбаум и цепи преграждают путь. Солнце палит и концентрирует свои лучи в этой воронке. Ветерочек не шелохнет. На склонах гор растут редкие, колючие кустарники. Каменная почва раскалена. Пограничные чиновники делают нам затруднения. Здесь мы мучаемся три часа.

Когда, наконец, мы добрались до Дамаска, был уже вечер. Как мы были счастливы, что Святейший Патриарх Антиохийский, Блаженнейший Александр III, 85-летний добрый старец, хорошо говорящий по-русски, нас принял и велел проводить до Сайд-Найи.

Сайд-Найя

Сайд-Найя (рис. 4) богатый православный монастырь, построенный на обрывистой скале. С его основанием связано древнейшее предание:

«Когда Византийский император Юстиниан I от-
« правлялся в Иерусалим на поклонение, он установил
« лагерь у источника Набэ-эл-Бустан, и поехал охо-
« титься в изобилующих дичью окрестностях. Но
« тщетно проездил он целый день. Лишь к вечеру его
« взору предстала газель.

«Охотник долго гнался за ней, то теряя ее, то снова

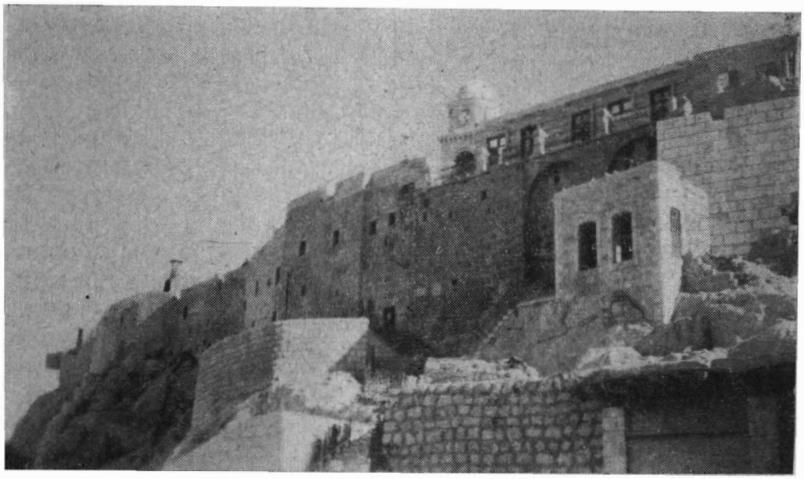


Рис. 4 — **Сайд-Найский Монастырь** *Photo Eryssine*

« настигая, и выбился из сил. Но вот она вскарабкалась « и остановилась на высокой скале, где легко было в « нее прицелиться. Он натянул лук и собирался пустить « стрелу, когда вдруг на месте газели он узрел пре- « красной красоты, лучезарную женщину.

« — Император, — сказала Она, — Я Божия Ма- « терь. Я желаю, чтобы здесь ты построил церковь и « обитель в Мое Имя».

«И видение исчезло.

«Юстиниан последовал Божественному Повелению « и положил начало постройке».

С VI века монастырь сей сохранился невредимым под покровом своей чудотворной иконы Сайд-Найской Божией Матери.

Вот предание, связанное с этой древней святыней:

«С незапамятных времен в монастыре существует

« обычай оказывать странникам трехдневное госте-
« приимство.

«Давно-давно, монах Феодор, идя в Иерусалим,
« остановился в Сайд-Найи, и игуменья монастыря по-
« просила его привезти в обитель икону из Святого
« Града.

«Исполняя ее желание, монах купил в Иерусалиме
« маленькую икону Божией Матери и отправился
« в обратный путь, держа при себе свою драгоценную
« ношу. Во время дороги ее чудодейственная сила
« дважды спасла его со спутниками, в тяжелых обстоя-
« тельствах, и ему стало крайне жаль с нею расстаться.

« Три положенных дня он провел в Сайд-Найи.
« Когда пришло время двинуться в путь, он взял с
« собой икону. Но неведомая сила не пустила его
« шагнуть через порог.

«Он остался еще три дня, по истечении которых,
« то же явление повторилось, когда он вновь собрался
« покинуть монастырь и унести икону.

«Вразумленный этим божественным указанием, мо-
« нах Феодор покаялся, дал икону Матери игуменье и
« попросил разрешения окончить свою жизнь в посте и
« молитве перед чудотворной иконой, под сенью Сайд-
« Найской обители.

«Над могилой святого отца стоит и поныне часовня,
« носящая его имя».

Принявший нас богатый Сайд-Найский монастырь оборудован с полным комфортом: в нем проточная вода, электрическое освещение, неоновые лампы. Зимой тут обучаются тридцать девочек арабок.

Приветливая, умная, еще молодая игуменья-арабка Mother Mary, ласково приняла нас. Она нас проводила в часовню, где за решетчатой дверцей, вся завешанная пожертвованными драгоценностями, сохраняется Сайд-Найская святыня: Мироточивая, чудотворная икона Божией Матери. Паломники по восточному обычаю

разули ноги, когда вошли для поклонения. Каждый из нас получил благословение от Сайд-Найской обители: крошечный пузырек с благовонным елеем от Святой иконы.

Mother Mary отнеслась к нам сердечно. Видя, как мы устали, она накормила нас, дала нам возможность умыться и предоставила нам удобные, чистые комнаты для ночлега.

После тихой ночи, на рассвете мы впервые соприкоснулись с арабским миром.

В моей памяти навсегда запечатлелась эта незабываемая картина: Розовато-кремневые горы нежными линиями окаймляют горизонт. В долине виднеется монастырский огород. У подножья нашей скалы раскинулась деревушка. На террасах люди расположились для ночлега; мусульмане кланяются на восток. Где-то далеко плачет ребенок; хриплым голосом лает собака. Тут на вершине — тишина и мир. Совершенно библейское настроение. Солнце встает. Раздаются колокола, зовущие на молитву...

От Дамаска до Вифании

Мы двинулись в путь в 9 ч. утра на автокаре. Шоссейная асфальтовая дорога (план II (1)) прямой линией врезается в долину. Почва черная, но не земляная, а каменная, базальтовая. — Всюду лежат груды черных круглых камней, величиной с дыню. Встречаются бедные деревушки, построенные из этих же камней. Живущие в них люди смуглы, одеты в темные платья. Все производит впечатление подавленности под этим палящим, безжалостным солнцем. Между камнями завоеваны темнокоричневого цвета поля, где спеют арбузы и торчат кукурузные стебли. Черный арабченок смастерит себе из них навес, чтобы спрятаться от солнца, и уныло проводит под ним день. Когда мы проезжаем, он выбегает и предлагает нам свои арбузы.

Виднеются пасущиеся в голой пустыне козы, овцы и верблюды. Иногда пересекают нашу дорогу караваны, или ослики, невообразимо навьюченные. Раз нам пришлось видеть вдалеке стаю отдыхающих журавлей.

К полудню картина меняется: вся плоская долина из черной превращается в белую, и мы, проехав 120 килом., подъезжаем к границе Иорданского государства. (*) Пока начальство хлопочет с паспортами, мы останавливаемся закусить привезенными из Сайд-Найи запасами в тенистом саду местного ресторанчика. Арабчата толпятся за решеткой и глазеют на нас. Место неприветливое. Грязные столы; на камнях, под тенью деревьев, валяются тела спящих, поваленных жарою рабочих. Бассейн из голубых изразцов, но с подозрительной водой.

Все чудится призрак холеры, дизентерии или солнечного удара. У нас уже отец П. болен. А пограничные чиновники относятся к нам еще более подозрительно, чем в Сирии, и на этой границе мы опять проводим 5 часов.

Голова тяжелая, все тело как будто избито. Отблеск белой раскаленной почвы болезненно режет глаза. — Много нам пришлось перетерпеть, прежде чем мы достигли Земли Обетованной.

Народ тут тоже меняется; арабский тип очищается от левантийской примеси. Лица приобретают красивый классический овал, которому замечательно идет головной убор, состоящий из узорчатой косынки, обвитой двойным черным обручем. Большие черные задумчивые глаза редко смеются. Их строгость меня вначале пугала; я видела в ней враждебность, но к концу моего пребывания, когда я поняла, сколько им пришлось выстрадать, я их очень полюбила. У них только что кончилась война, очень много разрушений, много увечных. Они до сих пор принуждены содержать армию.

(*) Пограничный городок Дэра (план II (2)).

На свою бедную, пустынную территорию они приняли беженцев из Израильской зоны.

В наших передвижениях нам пришлось встретить множество лагерей, составленных либо из палаток, либо из землянок, где эти несчастные живут под палящим солнцем на дикой голой почве.

Присутствие по дороге в Амман, среди самой пустыни, большого количества военных укреплений, объясняется тем, что она пересекает английский pipe-line. Ради предосторожности я спрятала свой фотографический аппарат. В автокар поднялись, чтобы сопровождать нас, несколько вооруженных солдат.

Мотор, слишком долго простоявший на солнце, захрипел и закапризничал. Пришлось остановиться. Солнце уже спускалось к горизонту. Не будь счастливой встречи с грузовиком, который нам подбросил бидон масла и мальчишку-механика, мы так бы и заночевали среди пустыни.

После передышки, мы дотащились до Аммана (план II (9)); закусили, подбодрились. Нам дали свежий автокар. Мы проехали 50 килом. до Иордана (план II (4)) и слезли перед святой рекой.

В темной ночи, освещенные фонарями машины, мы медленно перешли мост, с пением Крещенского тропаря. Были произнесены трогательные слова, обещания, взаимные извинения. Мы с очищенной совестью вступили на святую почву Родины Христа.

Еще немного терпения, и мы в полночь стучали в ворота Вифании (план II (5)), которая приветствовала наш приезд колоколами.

II. ПАЛЕСТИНА

В гостях у Марфы и Марии

Двенадцать дней мы прожили у доброй матушки Марфы, родом англичанки.

Русское владение в Вифании расположено при самой шоссейной дороге из Иерусалима в Иерихон. Это старый, крепкой постройки, двухэтажный дом, с домашней церковью, двор, сад, как везде каменный, с несколькими деревьями — мимозами, соснами, акациями и перечным деревом, под тенью которых мы часто сидели на лавочке или на сложенной из камней стенке.

Дальше в саду находились: часовня, баня и второй большой дом позднейшей постройки, содержащий школу и мастерскую.

Зимой Вифания принимает 50 учениц арабок, которые получают тут превосходное образование. Они говорят свободно по-арабски, по-русски и по-английски, и немного по-французски и по-гречески. Изучают арифметику, естественные науки и знакомятся с руко-

делием и хозяйственными работами. Эти девушки очаровательны: красивые, послушные, ласковые, услужливые, доверчивые, добрые. Некоторые поют хорошим, точным, задушевным голосом. Они мне очень понравились.

На кухне работало несколько арабских прислуг, а для тяжелых работ два араба, говорящих по-русски, которые часто нам сопутствовали в качестве переводчиков в наших экскурсиях.

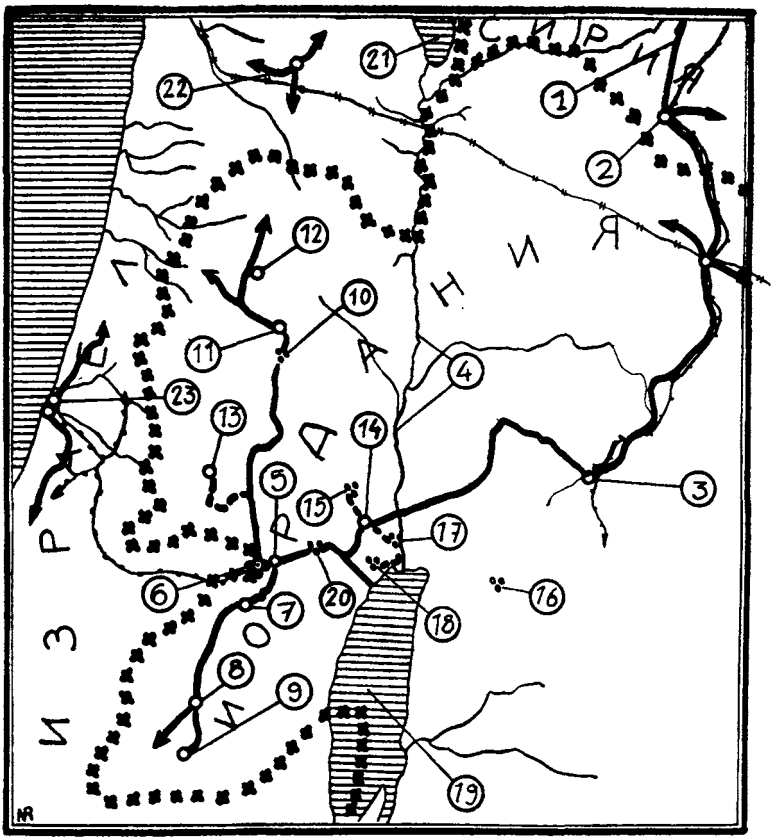
Ткацкая мастерская богато оборудована на десяток рабочих. Матушка Марфа применила к этому делу местных несчастных слепых. Но сбыт холста очень труден, и материал дорог, временно пришлось приостановить дело.

Ярко вспоминается мне русская старушка, сестра Д. — маленькая монашенка, хлопотливая, сообразительная. Я ей с самого начала вручила свои интересы, и она их ревностно оберегала за все время моего пребывания: доставала мне арбузы, лимоны, виноград, заботилась о моей стирке и глажении.

За неимением ключевой воды, сестры, предвидя наш приезд, с весны запасались дождевой.

Ели мы в обширной трапезной за четырьмя столами. Весело, дружно. Меню было скорее вегетарианское — оливки, огурцы, помидоры, кабачки. Часто бывали яйца, щи, макароны, рис, каша. Мясо появлялось редко, а рыба никогда. Сыр привозной или местный, овечий. Хлеб из серой муки, и после нашего французского, — неважный. К чаю подавали вкусные булочки. На сладкое — фрукты, замечательный виноград или яркокрасный арбуз. Наши русские люди выпивали по две-три чашки чая, я же находила приятнее, в эту жару, пить холодную воду с ломтиком лимона.

Здесь между Вифаниевскими знакомыми уместно упомянуть сорокалетнего греческого архимандрита Феодосия, владения которого — женский монастырь, церковь и колокольная башня (рис. 5) находятся по ту



План Палестины

сторону шоссе. Умея говорить по-русски, он нам служил проводником в наших экскурсиях и оживлял их своей любовью, стремительностью и неутомимым энтузиазмом. Слова: «Православный, греческий, Царица Елена» постоянно возвращались в его речи. И если его изредка что-то огорчало, то это воспоминание о «Латинах или Римских», как он называл католиков.

Долго буду я помнить гостеприимную Вифанию, заботливую матушку Марфу и красивые, ласковые, приветливые личики юных сестер; я их крепко полюбила. Святая Земля стала для меня второй родиной, и моя мечта снова вернуться туда.

Паломники направляются в Иерусалим

С первого же утра отец Феодосий повез нас в Иерусалим (пл. II (6) и пл. III).

Когда я при дневном свете увидела эту каменистую, сухую страну, я опечалилась. Я надеялась найти край, где течет мед и млеко, а Іудея открывалась предо мной в своих голых горах, без единой травинки, изсушенная, сожженная изнуряющим солнцем. Но скоро глаз привык к ее камням и отсутствию растительности, и я стала интенсивно чувствовать ее одухотворенность. На этих голых горах и люди могут жить только духовно. Виднеющиеся под ранним утренним солнцем розоватые склоны удаляющихся гор этого избранного края, как будто невесомые и идеальные, как на иконах, должны были породить религиозный мистицизм и продолжают его питать.

По извилистой дороге, между неповрежденными и разрушенными домами, между горными скалами и грудами камней, вдоль еврейского кладбища с его гробовыми плитами, замедляя по временам ход, из-за блиндированных препятствий, расставленных по дороге в военных целях, араб, шофер - виртуоз, повез нас в Иерусалим! (пл. III).

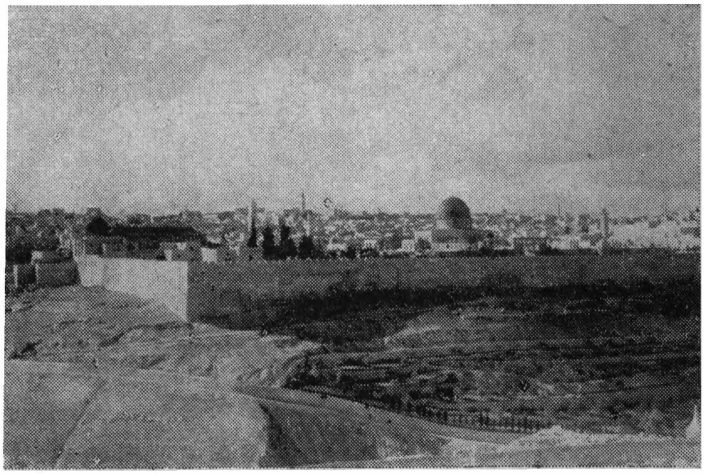


Рис. 6 — **Общий вид Иерусалима** *Клише «Вѣчное»*

Проехав над совсем сухим потоком Кедроном, над Иосафатовой долиной, миновав Гефсиманию (пл. III (14)), Стефановы (III (7)) и Иродовы (III (8)) ворота, мы достигли Дамасских ворот (III (9)), где и остановились.

Перед нами — большая, неровная, многолюдная площадь. Здесь горами навалены арбузы, шины, бидоны. Здесь — стоянки для автобусов и такси. Здесь, как у выхода из делового муравейника, арабы передают друг другу какие-то сведения, навьючивают ослов, продают приведенных коз и овец. Здесь лицом к лицу стоят обе, совсем различные, составные части города.

Направо мы видим современные постройки, асфальтовую улицу, засаженную деревьями, с вывесками магазинов, банков, туристических агентств. Тут помещаются почта, клиника, различные консульства. Нашим руководителям часто приходилось иметь здесь дела по поводу паспортов, транспортов и различных разрешений. Мы же, паломники, всецело стремились к ста-

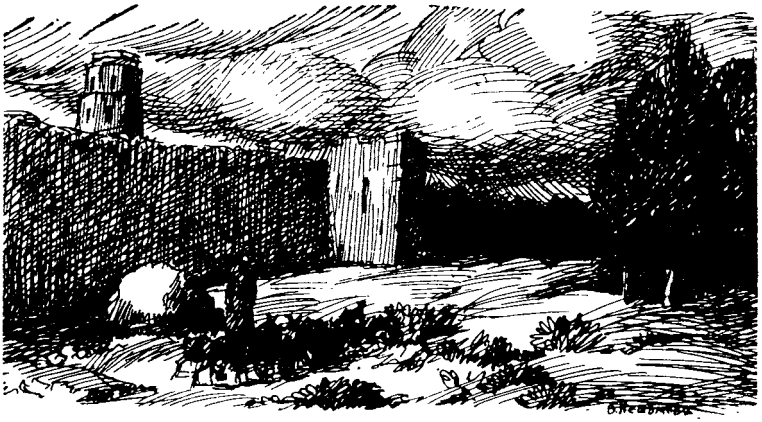


Рис. 7 — **Иерусалимская стена**

рому городу, тесно сжатому прямолинейной, благородной, розоватой стеной, восстановленной крестоносцами и сохранившей свои зубцы, башни и ворота (рис. 6 и 7).

Когда Годфрид Бульонский гулял по Святому Граду, его глазам представлялась та же самая картина, что и нашим: тесно сплоченные, одноэтажные, редко двухэтажные, укрепленные переброшенной через улицу аркой дома, построенные без всяких архитектурных замыслов и сверху донизу завешанные всевозможными товарами: кастрюлями, корзинами, платьями, башмаками...

Против врага № 1 — безпощадного солнца — защищаются всевозможными способами: сводчатые галереи, разнообразные навесы прячут прохожего от тех случайных лучей, которые умудрились проникнуть в узкие, многолюдные извилины. Подъемы и спуски почвы отмечают низкие широкие ступени.

От Гефсиманских ворот, между церквами и мона-

стырями, спокойная ровная улица ведет довольно далеко к центру. Кроме этой артерии, старый Иерусалим недоступен автомобильному движению, отсутствие которого способствует сохранению его средневекового характера.

По ту сторону площади, где остановился наш автокар, таинственный, опасный «no man's land»: в пятидесяти шагах проходит **«демаркационная линия»**. Далее широко раскинулся новый город. Там — роскошные гостиницы и первоклассные рестораны. Там — превосходные учебные заведения, и хорошо оборудованные больницы. Там проточная вода. (*)

«Достижения» Израильской зоны не привлекают нашей маленькой группы!

Мы скорее бы хотели посетить **«Гору Сион»**, на которой **«Горница Тайной Вечери»**, и посмотреть, что сталось с благоустроенными **«Русскими Постройками»**, когда-то хорошо оборудованными в Иерусалиме деятельной Русской **«Миссией»** для приема паломников.

Но наши паспорта не дают права переходить границу, которая на полувоенном положении. Мы легко примиряемся с этим ограничением, так как **Гроб Господен** с нашей стороны!

Первое посещение Иерусалима

Когда мы вошли в город, нас охватила оживленная, пестрая толпа, и мы очутились в самом «Сук»-е. (**) Сперва мы прошли квартал элегантных кабарэ, где сидели надменные, богатые франты в европейских костюмах и фесках, курили наргилэ и пили турецкий кофе.

Идя дальше, мы попали в следующие отделы базара — овощной, пекарный, мясной, где под палящим солнцем висят облепленные мухами четверти баранов, ко-

(*) Недавно приехавшие израильтянки ходят в «шортах», и этим крайне скандализируют старожилов.

(**) «Сук» — восточный базар.

Рис. 8 — **Восточная толпа**

торые мясник раздирает своими грязными руками; отдел рыбный, где продаются вяленые, сушеные, соленые, ни на что больше не похожие и совсем не привлекательные рыбы; отдел посудный, текстильный, башмачный, свечной. Далее, в более спокойном квартале, находятся богатые антикварные лавки, где можно купить дорогие ковры, вазы, роскошно вышитые платья и накидки, столики, медные подносы, перламутровые шкатулки и всякие восточные произведения искусства.

Торговля старинная, патриархальная. Покупатель — важная особа; за ним ухаживают, с ним любезничают. Его угостят чашкой турецкого кофе, и цену ему заломят втридорога, чтобы вдоволь торговаться, медленно сбавляя ее, как того требуют законы приличия.

Всосавшая нас иерусалимская толпа несет нас вверх и вниз по ступенчатым узким улицам, то и дело раздробляя нашу сплоченную группу. Нам приходится все время оглядываться, чтобы не потерять из виду клобуки отца Мефодия и отца Феодосия. Высокие худые арабы в полосатых длинных платьях окружают нас гурьбой, приставая с предложением своих косынок и открыток. Грязные детишки с прекрасными искрящимися черными глазенками дергают нас за рука-

ва, прося «бакшиш». Женщины в длинных платьях, вышитых крестиком на груди, ловко лавируют в этой сутолоке, неся на голове подносы с вымешенным тестом или корзину с помидорами. Бесцеремонно перерезая поток народа, вдруг появляется деревенский араб в лохмотьях, ведущий страшно навьюченного осла. Шарахаешься в сторону от качающихся на его боках камней или досок. Нередко среди всей этой пестроты выделяется фигура греческого чернеца или сгорбленной, старенькой русской монашенки.

Желтые городовые в касках, с которых свисает попона, прикрывающая затылок, все говорят по-английски и любезно провожают затерявшихся туристов.

Босяки, по античной системе, разносят воду: у них через плечо положено коромысло (*). Они скоро, ловко и умело несут свои играющие, серебристые ведра, которые при этой жаре и сутолоке так привлекают нас — жаждущих и утомленных. Но вода в них не ключевая: старый город не имеет источника. Под ним выдолблены цистерны больших размеров, куда зимой набираются дожди. На поверхность, для дезинфекции, порой льют керосин. Этих запасов должно хватить на круглый год всему населению.

Керосин здесь царствует. В лавках слышится шипение примусов; на них туземные кондитеры жарят жирные пончики — местное лакомство; на них каждый в своей конуре готовит себе обед. На них же гладильщики, которых здесь множество, греют свои утюги.

С трудом следуя за отцом Феодосием, мы подошли к греческой Патриархии (пл. III (12)) и были радостно встречены. Больной старец Патриарх Иерусалимский Тимофей, несмотря на недуг, вышел нас принять и преподать нам свое архипастырское благословение. После окончания официальной части нашего визита, он приказал нас угостить сладким ликером домашнего

(*) Палка, на обоих концах которой висят ведра.

изготовления, и стаканом холодной воды, и попросил, чтобы мы ему исполнили его любимое песнопение... «*Душе моя! Душе моя!*»...

С глубоким чувством прозвучали вдохновенные слова великопостного кондака: «*Востани, что спиши!*»...

Каждый из нас признавал себя недостойным посетить Гроб Господень (пл. III (13)), к которому мы направлялись. Под сильным впечатлением нашей общей молитвы, осмотр этой великой святыни и окружающих ее достопримечательных мест совершился в истинно паломническом духе.

Подобные минуты описать невозможно, но в памяти у каждого из нас они запечатлелись на всю жизнь.

Достопримечательности Вифании

Какое веселое неутомимое солнце раскаляло бледные, разрушенные камни, когда мы, сплоченной, дружной гурьбой, двинулись за отцом Феодосием на осмотр Вифании (пл. II (5))!

Пройдя от нашего монастыря по направлению к Иерусалиму шагов 200, мы свернули направо и поднялись по горной тропинке.

Какой катаклизм произошел в этой местности и кучей навалил все эти камни? Это следствия и ветхости, и землетрясений, и военных разрушений, и в известной доле... работ по раскопкам. Преклоняюсь перед наукой археологов, которые в этом хаосе определяют принадлежность строений к той или иной эпохе!

По местам, из этих бесформенных нагромождений, как феникс, возрождающийся из своего пепла, выростают новые, безупречно прямые, стены жилых помещений и церквей. Редкие оливки, фиги, тамарисы оживляют эту окаменелую картину.

Пока мы шествуем, из развалин вылезает множество детишек. Они, как неисчислимая саранча, оживают из окружающего праха и своей неотвязной толпой составляют паломникам любопытную почетную гвардию.

Рис. 9 — **Гробница Лазаря** *Photo Bryssine*

Отец Феодосий довел нас до дома (рис. 9), похожего на все другие, и объясняет нам принцип колесоподобного обтесанного камня, который докатывали вплотную до двери, чтобы ее наглухо запереть.

В этой стране, где побежденная Божественным Глаголом смерть вернула поглощенного ею Лазаря, где из гроба воссиял Свет Присносущный, археологическая проблема конструкции погребальных пещер живо интересует всех. Мы по крутой лестнице спустились до самой глубины подземелья и пропели «Общее воскресение».

После этого мы подошли к раскопкам дома, где некогда жили Марфа и Мария. Тут были две одинаковые комнаты, разделенные капитальной стеной. Над одной дверью — знак Ф, над другой — ✠. Отец Феодосий объясняет, что первый означает принадлежность православным, а второй — католикам. Много мыслей

Рис. 10 — **Дом Симона Прокаженного**

навевает соседство в доме Марфы и Марии столь близких религий, разделенных капитальной стеной.

Над всей хаотической картиной Вифании высоко вздымаются какие-то два обломка стен (рис. 10). По протоптанным детскими играми тропинкам отец Феодосий повлек нас к загроможденной камнями эспланаде, над которой возвышаются эти осиротелые трагические обрубки.

Он здесь, как дома: он нас принимает в некогда роскошном доме богача Симона Прокаженного, в гостях у которого жена-мироносица «**предварила помазать к погребению**» Тело Спасителя (Марка **XIV**, 3-9). Его воображение воссоздает давно минувшее славное прошлое. Он видит отсутствующие стены, покрытые живописью; через мнимое окно он указывает нам горную дорожку, на которой сестры Лазаря видели приближающегося любимого Учителя; в правом углу, у подножья уцелевшего столба, он означает рукой приготовленное для Почетного Посетителя ложе.

III. ПОЕЗДКА К ИСТОЧНИКАМ НАШЕГО СПАСЕНИЯ

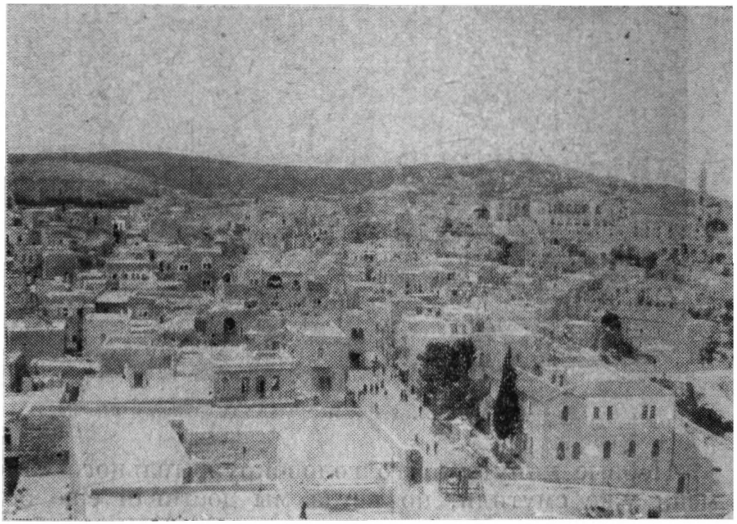


Рис. 11 — **Общий вид Вифлеема** *Клише «Вѣчное»*

Вифлеем

До разделения города на 2 зоны существовало превосходное короткое шоссе (пл. III (2)) от Иерусалимских ворот Давида (пл. III (10)) до Вифлеема, но со времени войны оно перешло в Еврейское владение, и Иорданское правительство спешно построило новую дорогу, которая крутыми спусками и подъемами, узкими, опасными извилинами вьется через горы и пропасти, чтобы своим удлиненным маршрутом обогнуть Израильскую территорию.

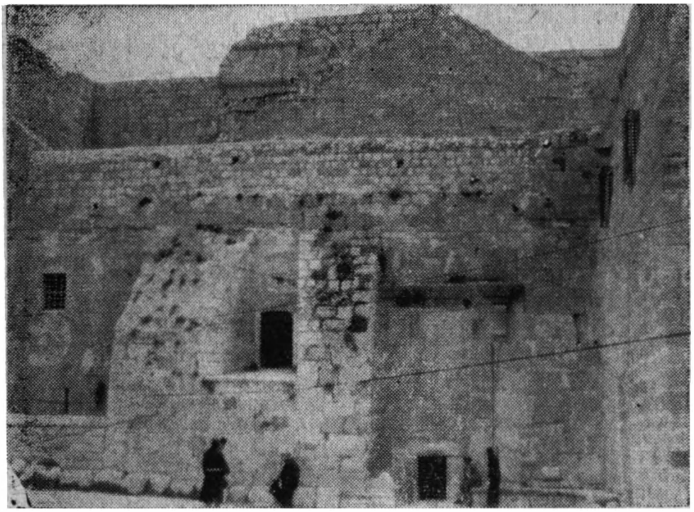


Рис. 12 — **Храм Рождества** *Клише «Вѣчное»*

Первые минуты этого головокружительного спуска меня уже смутили, но когда мы достигли еще более опасного наспех проложенного подъема, и я сообразила, что этот самый путь нам предстоит в обратном направлении, у меня больно защемило сердце. Десяток верст мы переживали это сильное ощущение. Наконец, после хаотической горной обрывистой пустыни, появились сады, виноградники, и на приятном солнечном склоне показался расположенный террасами, из почти белого камня, пасторально спокойный город (рис. 11).

Я прослезилась! Где-то здесь, по тропинке, в холодную зимнюю пору, Святой Иосиф Обручник вел осла, на котором сидела юная Дева имеющая родить. Он искал для Нее убежища и по бедности своей не находил нигде. Пришлось им остановиться в пещере. И здесь, в убогом вертепе, воссиял Свет миру (пл. II (7)).

Мы подъехали к Храму Рождества Христова. Не-

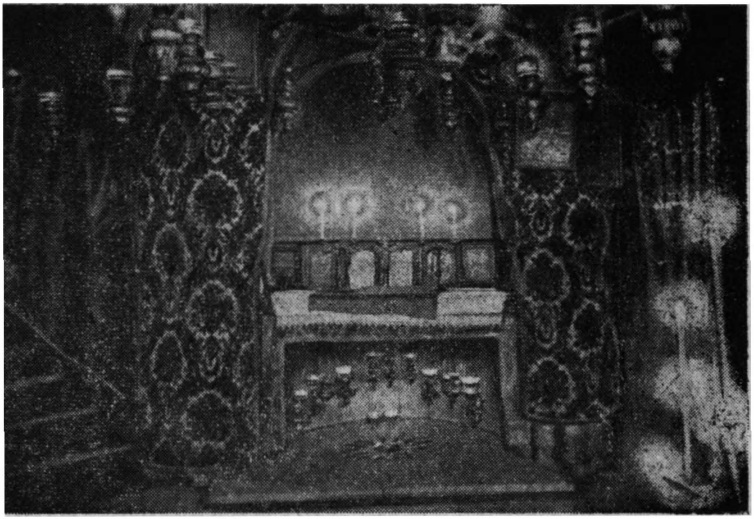


Рис. 13 — **Место Рождества** *Клише «Вѣчное»*

мало завоевателей пришлось видеть величественной постройке царицы Елены! Неоднократно святыня осквернялась! Теперь двери ее замурованы, и она снаружи представляет только голую высокую стену. Великие мира сего, и те должны низко поклониться, вступая в сие Святое место через крошечную лазейку (рис. 12).

В течение дороги мы обсуждали, что мы сможем пропеть, но тут, после прочувствованного слова отца П., молитва потекла сама собой. Пели мы и в грандиозном храме, где сотни драгоценных колонн и лампадок; пели мы и в узкой низкой пещере Рождества, в которой едва могли поместиться и где, при множестве горящих свечей, курении фимиама и кроплении благовоний, перед яслями Младенца наши души слились в общем восторге.

Храм содержит также придел Св. Влмч. и Побед. Георгия, где на иконостасе мы узнаем всех наших дорогих целителей и врачей бессребренников: Пантелеймона, Ермолая, Кира и Иоанна, Косму и Дамиана; мы себя чувствуем как бы в гостях у родных.

Тут же подземный целебный источник Святого Георгия. Нам из него черпают ледяной воды. Мы освежаемся, наполняем наши термосы и, после молитвенного отдыха в тени святынь, снова ныряем в раскаленную атмосферу.

Баееейн мудрого царя Соломона

Наша экскурсия повела нас дальше через плодоносную Хевронскую долину. Здесь мы увидели хорошо оборудованный рабочий лагерь, отдельное чистое больничное здание, перед которым обрисованы аллейки и растут цветы. Подъезжающий к новому каменному дому частный автомобиль и трясущийся в красноватом поле трактор, символизировали для меня давно невиданное в этой стране богатство, достигнутое усердным трудом и мудрым управлением. — Наш путь лежал между возделанными огородами, где поспевали капуста, баклажаны, кабачки, помидоры, лук невиданных размеров, арбузы, дыни и роскошный ползучий виноград. По дороге то и дело встречались наполненные овощами грузовики, везущие провиант в Вифлеем и Иерусалим.

Труды праотцев не чужды этим достижениям; в широко открытой долине, под стеной плотно посаженных кипарисов, синеет искусственное озеро, построенное Соломоном и орошающее всю эту богатую область.

Гробницы патриархов в Хевроне

Нам предстоит осмотр Хеврона и его мечети, в которой 7 ветхозаветных гробниц (пл. II (8)). Но это не

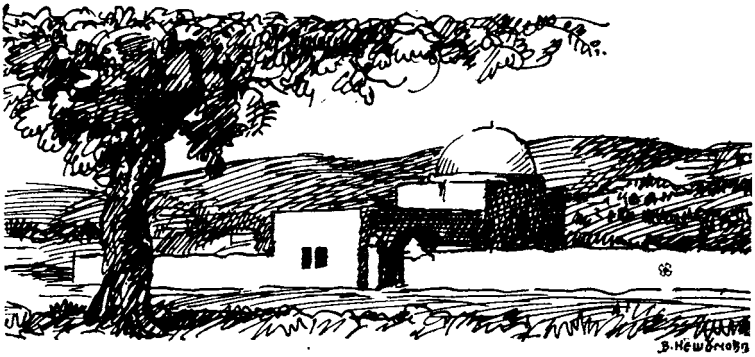


Рис. 14 — **Гробница Рахили**

так просто. Народ здесь фанатичный и враждебно настроенный. Для своей охраны нам приходится взять в автокар двух вооруженных солдат. Привезенные с собою разрешения от арабских властей оказались недостаточными, и начальство пошло хлопотать о нужных дополнениях по телефону, оставив нас на узкой ступенчатой улице, ведущей к мечети, между двумя высокими стенами, построенными Иродом. Боковая тень значительно съузилась, пока мы ожидали и наблюдали за идущими на полуденную молитву строгими, красивыми, смуглыми арабами в длинных полосатых платьях с обвитым на чреслах узорчатым полотенцем, и плоско хлопающими по каменным ступеням шлепанцами; они подозрительно смотрели на нас — иноверцев.

Страшные горловые заклятия наших стражей держали толпу детишек на почтительном расстоянии, под воротами на конце улицы, откуда они обменивались замечаниями по нашему поводу со второй группой, которой удалось залезть на балкон, высоко над нашими головами.

В мечети есть бесплатная столовая для бедных, и мимо нас, ощупывая стену, прошли обедать несколько

слепых стариков с красными вывернутыми веками и белыми зрачками.

Возвращение Е. И. с разрешением положило конец нашему ожиданию. Мы, по мусульманскому правилу, разулись перед входом в это святое место, где покоится прах праотцев, и поклонились гробницам Авраама, Сарры, Исаака, Реввеки, Иакова, Лии и Иосифа. Любимая жена Иакова, Рахиль, погребена отдельно в низенькой часовне на краю дороги, где мы проезжали (рис. 14).

Дуб Мамврийский

Все глубже погружаясь в неведомую тайну минувших веков, мы подъехали к древнему дубу Мамврийскому (пл. II (9)), под тенью которого Святая Троица явилась патриарху Аврааму в лице трех странников.

Здесь нельзя не упомянуть приснопамятного, знаменитого в Палестине, архимандрита Антонина Капустина, начальника духовной Миссии, жившего в конце XIX века.

Несмотря на враждебное отношение турецкого правительства, он неустанно ходатайствовал о разрешении для покупки русскими участков земли на важных ветхо- и новозаветных исторических пунктах.

Много построек и храмов, задуманных и исполненных им, нам пришлось встретить в продолжение нашей поездки. Дом для приема паломников при дубе Мамврийском, Гефсимания, Елеон, Русские Раскопки поочередно напоминали нам о нем.

Здесь четыре русских монаха, совершенно заброшенных в этом далеком уголке, среди враждебного населения, охраняют, как могут, русские владения: большой огород, оливковая роща, заповедный Дуб, красиво разукрашенная церковь и удобный прохладный жилой дом. Отец игумен Игнатий, завидев нас, в священном одеянии, при веселом звоне колоколов, спустился нам навстречу, с крестом и иконой. Под сенью

Photo Kouraxine

Рис. 15 — **Дуб Мамврийский**

тысячелетнего дуба мы отслужили молебен Святой Животворящей Троице. Пение легко попало в тон возгласа и плавно потекло, далеко разнося по арабской земле наши славянские напевы.

После завершения молитвы, мы по крутой тропинке поднялись осмотреть церковь, и были приглашены в дом к приготовленной трапезе.

Освежение, отдых и подкрепление приятно перервали зной и утомление этого заполненного богатыми впечатлениями дня.

Возвращение

Мы собрались в обратный путь. Миновав Хеврон, снова остановились в Вифлееме. Уже вечерело, но трудно было нам расстаться с этой колыбелью христианства. Хотя уже бледнел алый закат, но отец Феодосий, несмотря на запоздание, настоял на остановке у монастыря Преп. Феодосия Великого, где гробница святой русской княгини Евфросинии. Пока мы осматривали эту пустынную обитель, поднялся вечерний сильный ветер, который метал в нас песком и мелкими колючими камешками, и мрак окутал все небо.

Начался опасный спуск с горы. Сидя спереди, я видела теряющийся в черной пропасти свет наших фонарей и измеряла глазом невообразимую остроту углов дороги. Шофер предельно напряг свое внимание. На его волевом, сосредоточенном лице отражалась опасность нашего пути. Стиснув зубы, он круто заворачивал руль и туго затягивал тормоза. Наш широкий, неповоротливый автокар с трудом, кряхтя и нехотя взвизгивая и скрипя, слушался его приказаний.

У всех нервы были взвинчены после волнений этого дня, у каждого являлась мысль:

«Может быть, мы живем нашу последнюю минуту! Удастся ли следующий поворот?»

Отец Феодосий из глубины автокара повелительно крикнул мне: «Молись, Людмила!»

Сжимая кулаки и дрожа от волнения, я затянула **«Под Твою милость»**, напев был подхвачен двадцатью голосами. Наше громкое вдохновенное пение покрыло визг тормозов и крякание утомленного мотора.

После этой молитвы, отец Мефодий велел спеть: **«Не имамы иныя помощи»**. Все мы, до араба шофера, ощущали, что наше спасение висит на волоске; только перестань молитва, только прекратись попечение Небесной Заступницы, как ослабеют тормоза, как не до-

крутится руль, и колесо наше, скользнув лишний вершок — увлечет нас в зияющую пропасть.

Чередуя, по повелению отца Архимандрита, Богородичные напевы, мы невредимо достигли конца этого опасного путешествия.

Слезая у ворот Вифании, мы все чувствовали, что сроднились после пережитой вместе опасности.

Обрадованная нашим возвращением Матушка Марфа поведала нам, что наше опоздание очень ее обеспокоило, так как на этой дороге постоянно происходят несчастные случаи.

IV. ЭКСКУРСИЯ ПО САМАРИИ

Севастия и память Иоанна Крестителя

Во вторник 26 августа в нашей программе было намечено посещение Севастии, Сихари — нынешнего Наблуса и Эммауса.

Нам пришлось опять ехать 100 килом. там, где расстояние всего 50, объезжая враждебные территории. Я уже привыкла к этой голой каменистой почве.

Отец Феодосий привлекает наше внимание к ущелью, по которому мы едем (пл. II (10)). Эта местность сопряжена с событием Ветхого Завета. Здесь неисчислимые полчища сынов Израилевых, разделившись на два, поднялись на гору Гаризин, и на гору Гевал, которые по обоим сторонам узкого прохода. Иисус Навин «**прочитал все слова закона: благословение и проклятие**» (Іис. Нав. **VIII** 30-34).

Подъезжаем к Наблусу (пл. II (11)). Римляне восстановили разрушенный древний Сихем и назвали его Неаполис. В арабском произношении это слово превратилось в Наблус. Опять остановка у военного

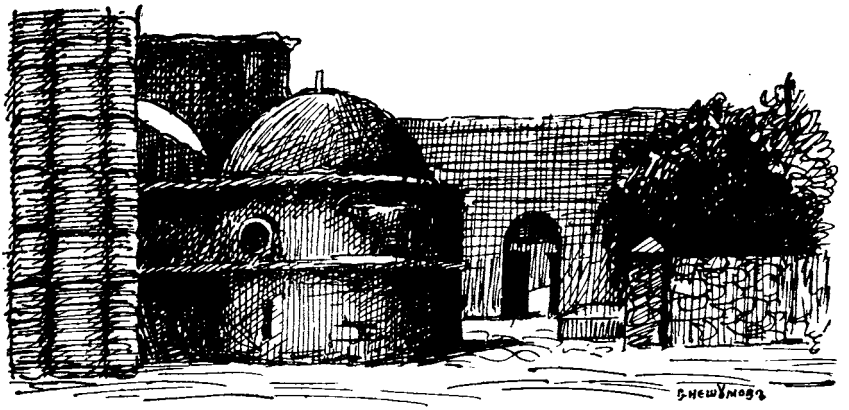


Рис. 16 — **Темница Иоанна Предтечи**

поста, опять сопровождает нас солдат — красивый юноша с желтым головным убором.

Остановились мы в Севастии (пл. II (13)). Кричащая толпа окружает автокар. Наш красавец, страха ради, раздает несколько тумаков и подзатыльников, кого следует ласкает прикладом ружья, вдохновенно кричит ругательства. Толпа отходит на четыре шага от нас, становясь полукругом. Мы беспрепятственно вылезаем и идем осматривать достопримечательности.

Севастия — место исключительной важности. Грудами лежащие здесь бледножелтые камни когда-то были роскошным дворцом Ирода, где в угоду царю плясала дочь Иродии. От этого нечистого, развращенного богатства ничего не осталось. Но неприкосновенной сохранилась подземная темница (рис. 16) Святого Предтечи, и камень, на котором он претерпел усекновение Святой Главы своей.

С трепетом мы спускаемся по узкой, темной, длинной лестнице. Волнение охватывает нас. Один, под зажженной свечкой что-то записывает на своих листочках,

другой целует обагренный невинной кровью камень; а я слагаю свои впечатления в памяти.

Тут же стоит мечеть со своим минаретом. Наша молодежь бросается на лестницу, чтобы сверху осмотреть местность, но также скоро скатывается оттуда, увидев на площадке молящихся арабов. Нам очень строго повторяли, что мусульмане крайне нетерпимы и что очень опасно для иноверцев тревожить их во время молитвы.

Мы прошли по узким крутым переулкам и получили некоторое представление об ужасной грязи и полном отсутствии комфорта, в которых живут эти бедные люди. Видя, что мы раздробились, арабчата стали к нам приставать, предлагая раскопочные редкости, римские монеты, светильники и статуэтки. Нам пришлось их отгонять, как навязчивых мух, и поспешить собраться у автокара.

На площади в водоеме текла вода из живого источника. Женщины приходили ее черпать в глиняные сосуды; другие стирали белье. Пили овцы, козы и верблюды. Мне тоже хотелось утолить жажду, освежить руки и лицо. Но меня отговорили! Что, если мусульманки сочтут, что мое соприкосновение оскверняет воду, и их гнев падет на меня? Ну, а в лучшем случае, и более прозаично, что, если все станут приставать за бакшишем? — Я воздержалась.

Вдоль высоких кактусов, между редкими оливками, отец Феодосий повлек нас вверх по тропинке, до древних развалин языческого мраморного храма, построенного Александром Македонским. Жара становилась совершенно нестерпимой, и большинство из нас отказалось подниматься еще выше, к другим памятникам языческих времен.

Сихарь и Самарянка

Наш обратный путь лежал снова через Наблус — древний Сихарь. Как и Хеврон, этот город очень по-

страдал от военных действий и поспешно отстраивается, о чем свидетельствуют белеющие на солнце груды раскаленных камней, множество изнуренных от полуденного зноя рабочих и легкий пыльный туман, окутывающий всю картину.

На базаре, под навесом из кукурузной соломы, яркие пятна помидор и арбузов и пузатые мешки с мукой и зерном. У окраины города, из темных, рваных военных палаток выстроен грязный, знойный лагерь неописуемой бедности. Мы мчимся дальше, все это лишь мелькнуло перед нашими окнами и теряется в белых, густых клубах, поднятых нашими колесами.

Приезжаем к **«участку земли, данному Иаковом сыну своему Иосифу. Там был колодезь Иаковлев»** (Иоанна IV, 5-6).

Спускаясь в широко раскинутую перед нами, сожженную безжалостным летним солнцем, плодоносную долину, между беженским лагерем и раскаленной стеной, над которой зеленеют вышки деревьев, мы достигаем ворот парка. На стук отца Феодосия сторож приходит открыть нам дверь, приветствует нас на русском языке и впускает нас в дивную, неожиданную в этом пекле свежесть. Тут растут стройные кипарисы и пальмы, причудливые оливки и смоковницы. В горшках, на низенькой стеночке, герань и белладона.

Густой виноград образовал вдоль дома крытую аллею. Под ее пятнистой тенью стоят гостеприимные столики, за которые мы садимся. Из мешков и корзин вынимаем привезенную с собою провизию: хлеб, крутые яйца, помидоры, огурцы, оливки, сыр и виноград.

Мы здесь не одни гости: в тени деревьев расположились закусить арабские семьи. Двое мужчин в фесках сидят за столиком и обедают, а женщины, разостлав у их ног, на камнях, коврик, прислуживают им, подают еду и готовят турецкий кофе.

По случаю приезда в этот дивный оазис, радостно отметить, сколько благолепных церквей и домов соорудила на Святой Земле любовь русских людей.

К сожалению, начатый здесь, в Сихари, Храм Самаряныни доведен лишь до вышины второго этажа. После падения русского могущества, эта работа так и осталась незаконченной, застыла, как Спящая Царевна под ударом волшебной палочки. Под этим жгучим солнцем нечего опасаться, что растительность завоюет полы, стены и колонны, но они стали владением камней и песков.

И ныне, да возгорятся снова русские сердца пламенем ревностной любви к святым местам! Да хлынут к Колодцу Иаковлю новые толпы русских паломников! Да завершатся стены Храма Самаряныни, да заблестят золотом его купола и да разнесутся по бесконечной равнине трезвоны его колоколов!

Перебежав из тени винограда в тень мимозы, дубка и безглавой колонны храма, я отважилась на те 6 шагов по солнечной зоне, которые предстояло сделать перед спуском в пещеру. (*)

Какая внизу свежесть, какой вдохновенный, таинственный полумрак! Мы зажгли свечи, выслушали чтение Евангельского повествования, спели тропарь:

«Жаждай да грядетъ ко Мнѣ и да піетъ».

Нам черпнули воды из глубокого колодца.

О, святая вода колодца Иаковля, сколько мыслей ты порождаешь в сознании христианина!

Мы сели отдохнуть подле каменной сырой стены и унеслись воображением в Евангельские времена.

Эммаус

Отец Феодосий думал уже о дальнейшем пути и собирал нас. До Эммауса (пл. II (13)) нам предстояло проехать еще 50 верст, половину по шоссе, а далее по неудобной деревенской дороге.

Моя душа несказанно радовалась, видя возделан-

(*) Двухэтажный слой земли, нанесенный двумя тысячелетиями, покрывает прежний уровень почвы.

ную плодоносную, хотя и каменистую, почву кирпичного цвета, хорошо содержанные террасы, на которых росли гранатовые и фиговые деревья, ползучий виноград и богатые огороды.

Мы истомились от жары, когда подъехали, после долгой дороги, к Эммаусу. Перед нами лежал пыльный спуск из круглых, выпуклых камней, вдоль длинной высокой стены. Остановившись у ворот, мы попали в райский сад. Свежая, отененная кипарисами, мимозами, эвкалиптами, окруженная цветами, просторная терраса открывала широкий вид на долину. Это владение католических монахов, и они, как никто, съумели среди палящего лета сохранить свежесть в своем парке и храме. Патеры, увидев нашу группу и опознав в нас православных паломников, оказали нам радушное внимание и пригласили в свой монастырь, где угостили нас свежей водой с лимонадом.

Поблагодарив за напиток, мы расписались в книге посетителей, распрощались с гостеприимными францисканцами и двинулись в обратную дорогу.

V. УСПЕНИЕ

Гефеимания подземная

В Греческой церкви Палестины существует обычай за три дня до Успения торжественно переносить плащаницу Божией Матери из Иерусалима в глубокую Гефсиманскую пещеру Ее погребения. Желая принять участие в этом предпразднестве, мы встали в 4 часа утра, и автокар нас отвез к Стефановым воротам. Мы пошли навстречу спускающейся по улице Св. Стефана процессии и присоединились к ней. Светало. Клир и народ, во главе с наместником Патриарха и

двумя митрополитами, несущими бесценную святыню, держа горящие свечи, медленно шествовали по узкому проходу, затягивая попеременно на греческом и славянском языке Успенский тропарь.

Когда толпа миновала ворота, и тесные ряды ее расположились на пространном шоссе, хлынули желающие теперь же приложиться к святыне, поднося к ней своих малолетних детей.

Арабы кончиком пальцев слегка поглаживали серебряную ризу Владычицы, глубоко вздыхая, с затуманенным, внутренне-любовно устремленным взглядом.

Торжественным шествием мы достигли глубины ущелья, где находится лестница, ведущая к открытой площадке перед входом в подземный храм (пл. III (14)).

Трудно объяснить расположение этой удивительной пещеры; невозможно передать сколь мистически вдохновительны эти широкие, бесконечно спускающиеся в недра земли, медленные ступени, на которых расставлены светильники.

В самой глубине выдолблен высокий храм. Сверху его свода висит множество подсвечников и лампад. Посередине перегородка, где находится армянский престол, и рядом узкий низенький вход в пещеру гробницы, на мраморном камне которой совершаются православные литургии. В задней части подземелья служат проскомидию, и там, под богатым балдахином, ребром, поставили плащаницу.

Наш приезд видно поджидался местными жителями, как счастливое событие, выходящее из колеи повседневной рутины и дрязг. К нам подошли и приветствовали нас русские монахини и миряне. Одна просвирня, маленькая, белолицая, живая, с детским тоненьким голоском, все время нашего пребывания особенно ревностно нас опекала. Она меня повела приложиться к Святому Камню пещеры Погребения, после чего греческий монах прыснул мне на руки благовоние из серебряного сосуда; она меня научила, как

пролезть под столом, где стояла плащаница, как того требует обычай. Она же мне указала на половине монументальной лестницы свечной ящик и два придела, где находятся гробницы святых Праведных Иоакима и Анны и Иосифа Обручника.

Наш хор попросили пропеть литургию, и с помощью местных русских жителей, знакомых с греческой службой, она протекла без затруднений.

Второе посещение

Второй раз мы спустились в Гефсиманскую пещеру в день Успения. Пришедши рано нам удалось присутствовать при всей греческой оживленной, увлекательной лигургии.

Подземное расположение храма, его разделение на две половины, его грандиозная лестница и маленькие, как лазейки, Царские Врата принуждают священнослужителей ко множеству передвижений, которые вносят в богослужение оттенок хореографии.

Сложная работа выпадает на долю дьячков. Они бегают вверх и вниз по лестнице, придвигают, отодвигают кресла, стулья и скамьи, перетаскивают тяжелые ковры и, исполняя курьезный обычай, концом длинной палки толкают гигантские висячие подсвечники, чтобы они качались и своими живо пляшущими огнями довершали общее ликование праздника.

На Успение единственный раз нам удалось слышать в полном составе греческий хор. Собралось десятка два мальчиков и молодых певцов под управлением опытного монаха регента. До чего мне понравились их отчетливые, высокие точные голоса, которые своими громкими волнами наполняли теряющиеся во мраке своды подземелья. Как я полюбила греческие напевы, то захватывающе грустные, то переходящие в ликующий, почти плясовой ритм, такт которого регент с увлечением отбивал ногой. Порой запевало начинал

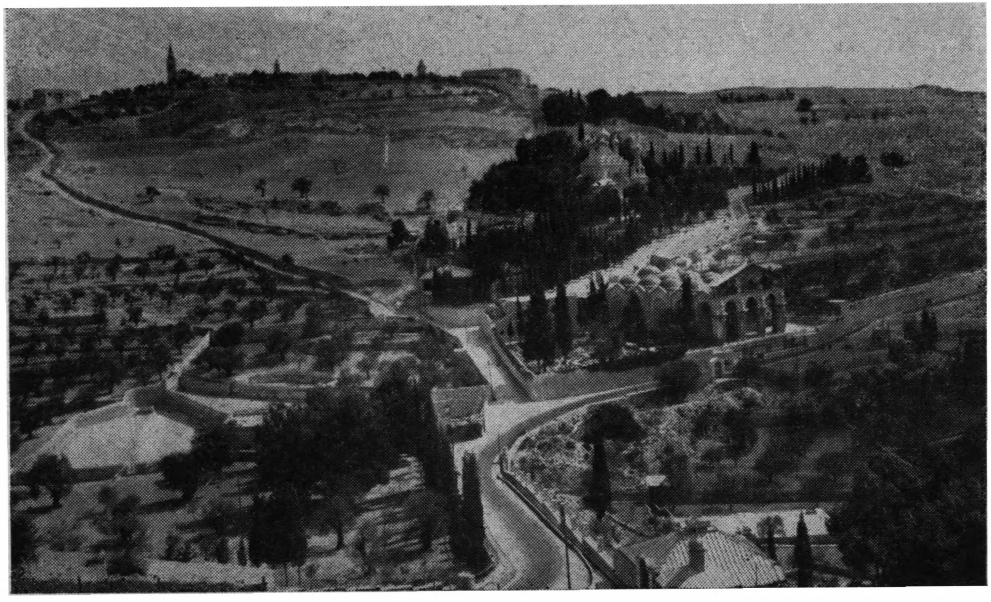


Рис. 17 — **Общий вид Гефсимании и Емона**

Клише «Вѣчное»

замысловатую мелодию стиха и его подхватывал хор, порой давала тон густая басовая нота, и на этом контрапункте тенора и дисканты выводили свои фиоритуры.

В течение этой службы я имела честь быть особо выделенной наместником Патриарха. Видя, что я устала и ищу стул, он ласково указал мне сесть на ступеньках его кафедры и подарил мне на память большую свечу.

В Иерусалиме обычай позволяет причащаться без исповеди, с разрешительной молитвой. В конце службы толпа с многочисленными детьми хлынула за перегородку храма. Последовала неминуемая давка и типичный, восточный беспорядок. Стиснутые женщины и дети кричали. Разрешительную молитву несколько священников читали одновременно на разных языках. Хористы потихоньку разошлись. Бесцеремонные городовые шагали по опустевшему храму. Нетерпеливые дьячки начали уборку, толкали молящихся, чтобы складывать ковры, уносили кресла и скамейки, длинными вениками тушили лампадки. Регент раздавал просфоры.

Где преподавали святое Причастие? Как читали заамвонную молитву и отпуст — я не знаю. Следить за скомканным окончанием богослужения было совсем невозможно. Ничего больше не понимая, я ушла из храма. (*)

Горная Гефсимания

В этот день нас ждал завтрак в русской Гефсимании (пл. III (16)). По дороге к этому православному владению мы, по указанию отца Феодосия, остановились в принадлежащем католикам Гефсиманском саду: «Jardin des Oliviers» (пл. III (15)), где в ночь предания источались искупительные для рода человеческого драгоценные слезы.

Почтенные древние масличные деревья причудливо

(*) Мои недоумения объяснились, когда я узнала, что литургия была уже кончена, а причастие, по установившемуся обычаю, совершалось после отпуста.

Рис. 18 — **Группа паломников в Гефсиманском саду** *Photo Brysbine*

сплетают свои ветви. Их сероватая, перламутровая листва строго охраняется решеткой от покушений предприимчивых паломников. Нам разрешили сделать несколько фотографических снимков (рис. 18). Стоящая рядом церковь называется «Eglise des Nations» (рис. 17). Это большая, голая, темная постройка, где на «Камне Слез» красным светом трепещет неугасимая лампадка.

Направляясь в гости к матушке Марии, уместно дать краткие сведения о ее выдающейся личности.

В хороших английских семьях были две барышни, подруги, очень религиозно настроенные. Они в своих мистических исканиях решились предпринять путешествие в Индию, и по дороге посетили Иерусалим. Тут случай их столкнул с русскими монахинями, и через них они познакомились с Православием. Они поняли, что

нашли истину, обосновались здесь, обе приняли монашество под именами Марфы и Марии и долгие годы трудятся во славу Божию.

Наше паломничество осуществилось благодаря их заботам, их попечению, их организации.

С благодарной мыслью о доброй Игуменье мы поднялись по крутой Гефсиманской дорожке к красивому пятиглавому храму Марии Магдалины (рис. 32). Церковь очень хорошо содержится, много посещается и не производит того печального ощущения заброшенности, как некоторые прежде богатые православные владения, вследствие оскудения русской колонии в Палестине.

Хороший женский хор, состоящий из 18-ти голосов, идущих от баса пожилой русской, прекрасной музыкантши, сестры С., до очень высоко-вьющихся арабских детских дискантов, чинно исполняет церковные песнопения под умелым управлением молодой регентши, сестры И., или ее талантливой заместительницы, сестры Ю., — обе монашенки арабки.

Под теплым крылышком матери Марии укрываются более 12-ти сестер, из числа которых три особенно врезались в моей памяти. Это умная, деловитая матушка В., незаменимая сотрудница Игуменьи и умелая руководительница молодых послушниц; вдохновенная молитвенница матушка Е. — верная хранительница тайны пророчеств, касающихся этих святых мест, и третья скромная смиренная труженица матушка А. — учительница арифметики Вифанийской школы. Сорок лет она посвятила делу обучения детей. Велика ее печаль, что теперь, когда возраст берет свое, она не находит возможной преемницы. Она мне говорила со слезами: «Чувствую, что пора отойти на покой и посвятить остаток дней моих молитве. Найдите самоотверженную душу, согласную принять на себя продолжение моего подвига».

Под храмом Марии Магдалины находится трапезная с ее службами, где нас несколько раз угощали обедом.

Деловая, активная жизнь общины протекает здесь у входа в склеп, где покоятся останки мученически убиенной Великой Княгини Елизаветы Феодоровны и пострадавшей с ней сестры Варвары. (*)

До нашего отъезда явилась возможность отворить тяжелую свинцовую дверь и отслужить в память умерших глубоко всех взволновавшую панихиду.

Процветание этого монастыря, успехи доброй Игуменьи в ее святых предприятиях, не являются ли следствием этого близкого соприкосновения жизни и смерти и не знаменуют ли они действенную попечительную неусыпную молитву мертвых за живых?

VI. ДЕНЬ ТРЕХ ТРЕЗВОНОВ

Приготовления

В нашей группе о погружении в Иордан ходило много толков. Я узнала, что обычай требует окунаться в особо приготовленной, длинной рубашке и сохранять ее потом для своего погребения. Все паломники и паломницы хлопотали о своих саванах, и я чувствовала необходимость что-то предпринять тоже. Один Иерусалимский знакомый повел нас с М. Д. в магазин, где мы дешево приобрели материал для себя и для мужей.

Два дня я сидела за швейной машиной, одуревая от жары, строчила широкий халат в распашку и кроила такую же курточку мужу, чтобы и он, в час оный, причастился благодати Иордановой. Состояние духа при этой работе совсем особенное. Мысль о смерти, такая далекая, абстрактная в повседневной жизни, тут материализуется приготовлением встречи с ней.

(*) Обе были в числе жертв, брошенных в Алапаевские шахты.

Мы мерили друг на дружке и даже проявляли некоторого рода кокетство, в желании, чтобы длина рукавов и высокий воротник скрыли от живых, которые окружат наш смертный одр, тление нашего мертвого тела.

Сорокадневная гора

Мы рано двинулись в путь и по извилистому хорошему шоссе стали спускаться к Иерихонской долине. Сперва мы поравнялись с надписью «Sea level», означающей, что здесь находится уровень океана; далее в сгущающемся воздухе нам предстояли еще 15 верст спуска между оголенными, как бы обмытыми морем горами, напоминающими мне описанные Данте Круги ада.

Пейзаж переменился сразу, когда мы попали на плоскую равнину пепельного цвета. Мы проехали перед необычно приветливым беженским лагерем, покрывающим необозримую площадь своими кубическими, построенными рядами землянками.

Показался зеленеющий богатый Иерихонский оазис (пл. II (14)). При въезде в город, отец Феодосий остановил нас у небольшого русского владения на том месте, где **«Закхей мытарь, который мал был ростом, влез на смоковницу, чтобы увидеть проходящего Господа»** (Луки, **19**, 3-4). Мы посетили также источник Елисеев (IV Кн. Царств, **2**, 19-22) близ печальных земляных холмов, останков славных стен Иерихонских, павших при седьмом взыграния труб Иисуса Навина (Иис. Нав. **6**, 20). Уныние этого места представляет яркий контраст с богатством и плодоносностью окружающего роскошного оазиса, где в каждом саду висят спеющие финики и гранаты, и частыми рядами посажены бананы.

Миновав обильные Иерихонские базары, мы направились к виднеющейся налево Сорокадневной горе (пл. II (15)), названной так в память сорокадневного

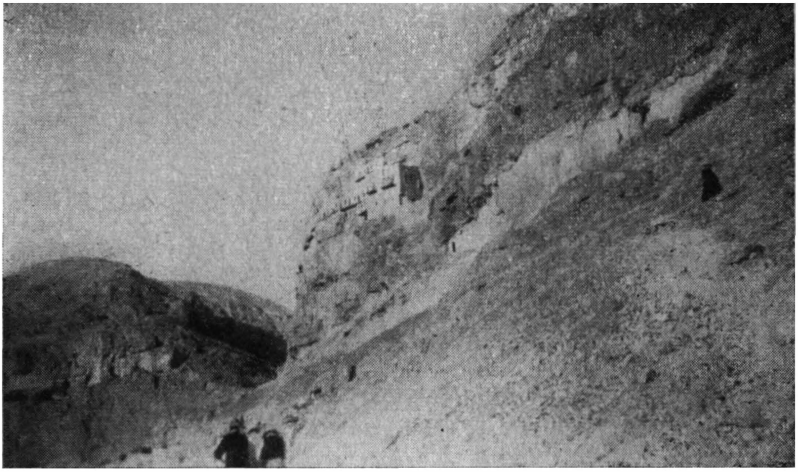


Рис. 19 — **Сорокадневная гора** *Photo Bryssine*

поста и искушения Господа. На половине этой головокружительной, четырехсотметровой отвесной стены, греческие монахи выдолбили себе уединенное, одним орлам доступное, жилище (рис. 19).

Положив удачное начало своим акробатическим номерам, наш автокар остановился у одинокого домика: все бросились вверх по проложенной тропинке, я же спасовала и, надев очки, жадно следила за ними. Одни шли академично ровно по извилинам, другие, избрав альпинизм, резали напрямик. Черная ряса отца Феодосия развевалась впереди на пепельном фоне скалы. Голоса доносились до меня близкие, как рядом.

Ядро группы еще было далеко до цели, когда первое звено уже достигло монастыря. Тогда произошло необычайное: вся скала вдруг затрепетала, вся пустыня заговорила гласом велиим! Колокола Сорокаднев-

ной горы небесными, воздушными, серебристыми переливами встречали паломников. О, радость! ликование! неожиданное в этой пустыне живое присутствие!

Вторжение в быт арабской семьи

Вернемся к тем, которых больные ноги не пустили в эту горную авантюру. Три паломницы сидели в приветливом садике около арабской фермы. Я присоединилась к ним. Перед домом протекал обильный, чистый ручеек, который крутым поворотом, журча и плескаясь, появлялся из-за скалы и по узкому глубокому желобку направлял свое укрощенное русло к богатому оазису, где росли фиги, пальмы, бананы и другие неведомые мне фруктовые деревья.

Площадка, где мы укрывались от солнца под виноградным навесом, являлась сценой семейной идиллии: семнадцатилетняя, хрупкая, маленькая красавица-мамаша была одета в черное платье, с вышитой грудью и двойной парой рукавов, богатое, но заношенное и грязное. У нее были босые ножки, а на голове, против солнца, длинная, когда-то белая вуаль. Ее молодое лицо, окаймленное нитью серебряных монет, из-под которой выглядывали пряди черных завитых волос, было прекрасно и не утратило своей прелести, когда она, слегка попрыскав свежей водой своего малыша, вытерла его дырявой тряпкой и накрутила ее на себя вместо тюрбана.

Все движения ее были вялые, как бы усталые; ведь жизнь в этой долине протекает в сжатом, удушливом воздухе на 200 метров ниже морского уровня. Возмущенный неожиданным туалетом бэбс пожелал выразить свое неудовольствие глухим, ленивым всхлипыванием, но быстро успокоился, когда мать уложила его в примитивный гамак из мешка, натянутого на двух дощечках, плотно с головой укутав его в простыночку, и стала беспощадно укачивать.

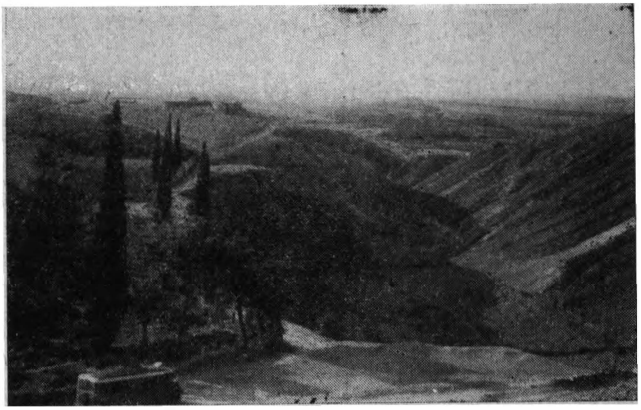


Рис. 20 — **Панорама с Сорокадневной горы** *Photo Kouraxine*

Бо́льший ребеночек, пользуясь оставленной ему свободой, — запихивал себе в рот неспелые финики и уже усеял всю площадку выплюнутыми косточками. Покончив с младшим детищем, мамаша принялась за старшего. Она повторила над ним несложный ритуал омовения. Усугубила свои гигиенические попечения, прополоскав и повесив сохнуть его ситцевое, синее с рисунками, как носят все местные дети, платьице, взяла его на руки, подсела на скамеечку и завела со мной разговор.

Ее жесты были крайне выразительны, а постоянно возвращающееся в речи слово «бакшиш» не могло оставить никакого сомнения в избранной ею теме разговора. Она трогала мою сумку, старалась ее открыть, показывала свой поясной карманчик, доставала из него монетку, уже полученную от О. Л., и была явно встревожена моей медлительностью в исполнении ее желания. Чтобы не мучить ее дольше ожиданием, я, за право пользоваться тенью ее беседки, достала круп-

ный медяк и сунула его в ее протянутую миниатюрную ладонь. Она меня горячо благодарила и на время отступила.

Но игра в «дать и взять» для нее была неудержимо привлекательной, и она, как назойливая обезьянка, просящая гостинца, скоро снова пристала ко мне со своей интенсивной мимикой.

Что с нашей точки зрения казалось бы допустимо для нищей, удивляло со стороны богатой женщины, владелицы обширного оазиса. Но я убедилась, что арабская этика поощряет такое вымогательство. Вскоре появился молодой, вялый хозяин и в ленивой задумчивости сел в стороне от нас. Жена покорно подошла к нему и, указав на нас обобщающим пальцем, передала ему взятый с нас налог. Он с гордым достоинством окинул нас покровительственным взглядом и деловито-важно опустил монеты в свой потайной карман.

С горы спускались наши паломники-альпинисты. Они дышали восторгом от ранней прогулки, от великолепной панорамы (рис. 20), от ласкового приема и молитвы в монастыре. Все получили подарки: иконки, виды, брошюры. Мы, оставшиеся внизу, также не были забыты.

Попечение добрых монахов простиралось даже до материальных благ: они подарили нам на обед большой сверток оливок домашнего изготовления.

Было уже 9 часов, и жара поднималась. Мы спешно двинулись в путь.

« Deep river »

Deep river! «О глубокая река! мой очаг близ Иордана». Сколько раз мне пришлось петь вдохновенные слова этих стихов. «О разве вы не желаете присутствовать на духовном празднике! Разве не стремитесь на обетованную землю, где все лишь мир!»

Тогда «духовный праздник» и «обетованная земля» воспринимались мною, как абстрактные понятия, а теперь я на яву перед ними.

Меня постигли различные удары судьбы: страхи за детей, жестокую немощь, которая принудила меня прибегнуть к костылям и возбудила опасение, что я могу навсегда лишиться возможности передвигаться. И вот я, благодаря почти сверхъестественному стечению обстоятельств, приехала сюда и вижу теперь эту совершенно необычайную пустыню.

Трудно описать это бывшее вулканическое морское дно, как будто составленное из смешанной с пеплом пемзы и всюду образовавшее бугры и воронки. В этом фантастическом пейзаже, в этом пыльном просторе, дымящемся от чрезвычайной жары, не удивило бы меня появление Преподобной Марии Египетской или Предтечи Господня, которые своими подвигами прославили этот край.

На горизонте виднелась гора Нево (пл. II (16)), с которой перед смертью Моисею дано было узреть обетованную землю (Второзак. **34**, 1). Тут Иисус Навин провел свои победоносные полки (Иис. Навин **3**, 16), тут Пророк Илия на огненной колеснице был восхищен на небо (IV кн. Царств **2**, 2).

Мы подъехали к затерянному в пустыне одинокому монастырю, посвященному памяти Пророка Елисея и Св. Иоанна Крестителя. Тут нас снова приветствовали колокола. Но здесь, в свинцовом, раскаленном воздухе, звон казался глухим, подземным. Он болезненными, гулкими ударами потрясал наш слух, напряженный от тяжести атмосферического давления.

Вышел старый, строгий монах с епитрахилью, крестом и иконами. Мне выпала честь везти эти святыни до места, испокон веков избранного для Крещения, где растут несколько старых эвкалиптов и для отдыха паломников сооружены две беседки с мраморными столами (пл. II (17)).

Мы с волнением поспешили к тамарискам, за которыми ощущалось присутствие воды.

Какое меня ожидало разочарование! О, Иордан

Рис. 21 — **Паломники у Иордана** *Photo Kouraxine*

моей мечты — горделивая, торжественная, хрустально чистая река — deep river!

Ты в действительности смиренная речка, торопливо вьющая свою желтоватую муть (рис. 21).

Как же мы в этом быстром, илистом течении окунем наши чистые белые рубашки, наши кокетливые саваны? Все смотрят с удивлением и смущенно переглядываются.

Но батюшке — местному старожилу — хорошо знакомо священное свойство этой грязноватой воды. Он не мешкает. Спускается по крутому берегу, черпает полный большой таз и повелительно зовет нас совершить водосвятие.

Солнце невыносимо томит. Воздух как бы замер в тяжелой неподвижности. Слушаем молитвы, поем, а силы нам изменяют. Все наше расслабленное существо мучительно страдает от жары и давления. Ох! Хоть бы окунуться!

Но вот молебен кончился и, разделившись на мужскую и женскую половину, мы расходимся по кустам, в которых и спрятаться невозможно, такая их серенькая листва мелкая, прозрачная, колючая. Я надеваю свой саван и мужнин, и, скользя, с трудом спускаюсь к реке.

И вот совершается явное чудо. Я чувствую всю силу этой теплой мути. Как в ней хорошо! Как оживительно в ней окунуться! Какое мягкое ощущение, когда мои больные ноги погружаются в топкий ил. Он, словно нежным кремом, окутывает кожу своей приятной тонкой массой и тает, исчезает, уносимый живой струей. Надетые на меня рубашки постепенно намокают, но не погружаются, а обвиваются кругом меня, увлеченные в сторону бегущим течением, силе которого приходится сопротивляться.

Мои подруги тоже ходят в своих белых одеяниях, заворачиваются в них, грациозно плещутся, окунают свои обвитые косынками головы. Нет больше ни старости, ни немощей. Все в детском восторге повторяют:

«Ах, как хорошо! как хорошо!»

Неземная радость! духовное ликование! святое облегчение!

Вдруг слышен громкий голос с мягким акцентом. Это мчится стремительный отец Феодосий, в своей развевающейся рясе с широкими рукавами. Он спускается до самой реки, в епитрахили, держа крест с пучком веточек. Пока мы захлебываясь поем тропарь, он нам радостно, обильно поливает головы живительными Иорданскими струйками. Мы спешим под это водное благословение, и наш восторг не знает предела.

«Хорошо нам быть здесь!»

Ни палящее солнце, ни тяжесть воздуха, ни течение времени более не ощущаются. Мы все окунаемся, и эти святые, целебные струи становятся нам бесконечно дороги.

Благодарной мыслью я вспоминаю добрую мона-

шенку, которая вручила мне, как величайшую святыню, крошечную бумажечку, где завернута «щепотка высушенного Иорданского ила». Прежнее, ложное, горделивое представление о прозрачности величественного Иордана меня больше не тревожит. Я люблю его таким скромным, каким он есть.

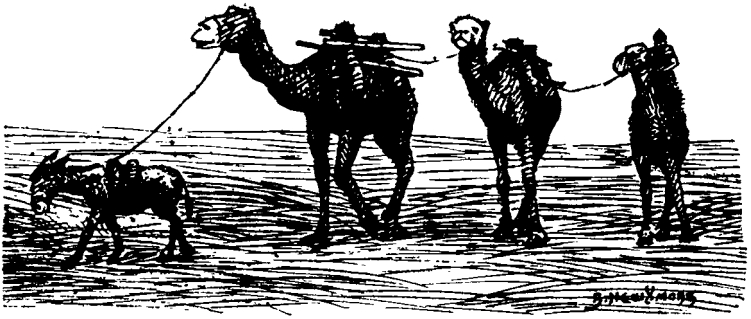
О смиренная речка, избранная между всеми реками, научи и нас твоему смирению!

Где лев стал кроткий, как ягненок

Среди вышек и воронок Иорданской пустыни стоит обитель Преподобного Герасима (пл. II (18)).

Предание повествует, что «святому пустыннику « случилось однажды встретить раненного льва. Он ми- « лосердно вынул у него из лапы занозу, после чего « царь зверей нравом превратился в кроткого ягненка « и стал служить обители, оберегая осла, который « ежедневно ходил к Иордану за водой. Проходящие « с караваном торговцы ухитрились украсть осла. « Обманутый сторож был очень опечален, что плохо « исполнил свою обязанность, что его святой хозяин « гневался на него, и был принужден сам, по жгучей « пустыне, ходить за водой. Но вот караван, возвра- « щаясь из своего пути, проходил той же местностью. « За ослом шли привязанные на цепи три верблюда. « Увидев их и узнав своего товарища, лев напал на ка- « раван, испугал торговцев и, взяв конец цепи, привел « всех животных с поклажей в обитель».

В Иерусалиме я купила цепочку с тремя деревянными верблюдами и ведущим их осликом, тонкой кустарной работы. Они мне всегда будут напоминать, как мы, подобно каравану, ничтоже сумняся, прокладывали себе дорогу по этим адским пепельным кругам, избирая между буграми и ямами наименее опасные спуски, наименее крутые подъемы; будут напоминать, как мы, не остановившись, проехали мимо богатейшего оазиса;



как неутомимый отец Феодосий увлекал нас туда, где на невообразимо оголенной почве стоит строгий, одинокий монастырь святого Герасима.

Спустившись у его двери, мы через длинный темный проход выходим на яркоозаренный двор, стена которого выкрашена ослепительно белой известкой. Вдруг с колокольни, над самыми нашими головами, оглушительно весело раздается трезвон. От слишком сильных ощущений я почти теряю сознание: дыхание страдает от давления, глаза от яркого света, слух от громкого звона, все тело от полуденной жары.

Через мгновение я прихожу в себя и вижу, как отец Феодосий, сам, ухватившись за веревки, отбивая ритм ногой, попеременно ускоряя или замедляя темп, как искусный звонарь, заставляет колокола огласить всю пустыню радостной вестью о приезде гостей к Преподобному Герасиму. Сам он счастлив, ныне, заслуженным почтенным архимандритом, посетить эту обитель, где 25 лет тому назад он жил молодым послушником и где удостоился принять монашеский постриг.

Старец, проживавший здесь, скончался этой весной, и остался только один серьезный, молчаливый монах, как будто отошедший куда-то далеко в своем одиночестве.

Мы входим в храм, любуемся им, поем, прикладываемся к иконам. Отец Феодосий живо вращается

между нами, воодушевляет нас на щедрые пожертвования, раздает нам финиковые грозди, ведет нас в длинную узкую трапезную. Достаются привезенные с собой съестные припасы и полученные в подарок оливки. Как милы моему воспоминанию эти горькие оливки, сухой кукурузный хлеб и убогая каменная трапезная!

Но отец Феодосий что-то сообразил. Он срывается и бежит в знакомую ему кухню, откуда вскоре появляется, торжественно неся нам глубокие блюда помидорного салата. Мы озадачены недостатком посуды и вилок. Он же преломляет хлеб и учит нас мокать его в общем блюде.

Мы забываем, что живем в XX веке. Наш стол представляет евангельскую картину. Как Апостолы на рассвете христианства, мы братски «*омокаемъ укрухъ хлѣба въ солило*».

Мертвое море

Нам предстояло еще посещение берега Мертвого моря (пл. II (19)), и к нему наш автокар направил свою акробатическую езду. Достигши, наконец, прекрасного шоссе, мы по нему последовали до самого его конца, где он круглой площадкой обвисает над пляжем, усеянным разноцветными камешками.

Темносинее море с трудом колышет свою тяжелую мелкую зыбь. Оно выглядит гигантским лабораторным тазом, наполненным химическим составом. Может быть, на Сатурне или на Уране существуют такие жидкие пространства, бесполезные, безжизненные и убивающие всякую жизнь кругом себя своей вредной ядовитостью.

Растлевшие в грехах города Содом и Гоморра были сожжены небесным огнем и затоплены водой. До сих пор эти пустынные берега несут на себе их проклятие. Тут воздух насыщен асфальтовыми испарениями, за-

пахами хлора и серы. От вкуса одной капли этой прозрачной жидкости, которую я взяла попробовать на язык, мне стало дурно. Кто после благодати Иордана согласится окунуть свое тело в отвратительный состав Мертвого моря?

Недалеко от лениво плещущих волн, мои спутницы меня позвали к целебному лиману. Это небольшой натуральный бассейн, в середине которого порою, вспышками, вздымается горячая грязь. Тут-то и есть самое полезное место, и мы все, хромлющие и ревматики, толпились у кипящего кратера, **«ожидая движения воды»**, и парили наши больные суставы.

Дневной зной спадал, и солнечные лучи смягчались. Мы направились обратно к нашей милой Иудее. Когда мы достигли затерянной в высоком горном перешейке **«гостиницы доброго Самарянина»** (пл. II (20)), на нас пахнуло веяние ветра. Мы задышали свободнее в привычной нам стихии.

Мы спешили к родной Вифании с ожидающим нас приветливым, скромным, обеденным столом.

Рис. 23 — **Гостиница Доброго Самарянина**

VII. ЕЛЕОН

Славный русский Елеон!

Кто бы ни направлялся в Иерусалим, будь то католик, лютеранин, мусульманин или еврей, с какой бы стороны он ни ехал: от Иерихона или Сихема, от Хеврона или Дамаска, первое, что он увидит, это вырисовывающийся на мастиковой горе своими темными кипарисами и на синем небе своей светлой трехэтажной колокольней русский Елеон (пл. III (17)), — славное строение приснопамятного архимандрита Антонина.

Елеон — Святая Гора! На ней вознесся Господь и на нее же снизойдет во славе. Тот, Кому имя Восток, вступит во святой Град, чтобы сотворить Суд, через восточные Златые Врата.

Но Златые Врата замурованы, замурованы и наши сердца!

На высшем плане красуется Елеон преданий, Елеон пророчеств; рядом с этим идеальным Елеоном, в чувственном плане мы видим земной Елеон, где, как и по всей вселенной, живут обыкновенные люди, и который обременен крестом материальных затруднений.

Елеонский монастырь — не «общежительный». Монахини получают казенное помещение, одно ведро воды в неделю, 500 фр. в месяц, немного муки, сахара и риса. Понятно, что крайняя нужда обитательниц ставит начальство перед острой финансовой задачей.

В этих тяжелых условиях здесь живут 120 женщин, из которых одни — очень давно приняли постриг, а другие — остатки группы 80-ти девушек из простонародья, которые прибыли в Иерусалим для поклонения в 1914 году и, задержавшись вследствие разразившейся войны, поселились на Елеоне. Их паломничество затянулось так же долго, как и странствования избран-

ного народа по пустыне. В Россию они не вернулись. Заработка найти здесь не могли и пострига они не приняли. С годами острее стала ощущаться разница между основными монахинями и паломницами, влившимися в монастырскую экономию и тяжелым финансовым грузом обременившими ее.

Скрытый трагизм этого положения мне был известен, и я обдумывала его, пока наш автокар взбирался по горной дороге, чтобы остановиться недалеко от ворот этого обширного русского владения.

Какая красота открылась перед нами при входе в парк монастыря! Какой воздух! Какой вид! Какие крепкие обширные постройки! При веселом колокольном звоне паломники направились по тенистой аллее в церковь Вознесения; перед ее входом стояла черная группа монашествующих, из которой выделилась нам навстречу высокая тонкая фигура начальницы.

Ввиду болезни, усталости и возраста игуменья Антония отошла на покой и передала бразды правления недавно приехавшей из Швейцарии Великой Княгине Татиане Константиновне, в иночестве игуменье Тамаре.

Новая Игуменья, благородной осанки женщина, очень похожа на своего брата Вел. Кн. Гавриила Константиновича. Пока паломники подходили под ее благословение, я искала в ее бледном, аскетичном лице черты сходства с приветливым, интеллигентным выражением ее отца Вел. Кн. Константина Константиновича.

Трудное дело управления обителью облегчено в некоторой степени для игуменьи Тамары ее обширными знакомствами в европейских и американских великосветских кругах, жертвовательное внимание которых она умеет привлекать к опекаемому ею монастырю...

В день нашего посещения она показала пример мудрой инициативы.

В Бозе почивший приснопамятный архимандрит Антонин оборудовал в Елеоне пять цистерн, но, за недостатком средств для их содержания, они пришли в негод-

ность, и в обители водяной вопрос стоит ребром. Отец архимандрит Мефодий привез собранную в Париже крупную денежную сумму и вручил ее начальнице. Игуменья Тамара предложила не раздроблять ее на личные нужды опекаемых ею старушек, а целиком определить на приведение в порядок цистерн.

Мы вошли в большой, превосходно разукрашенный Елеонский храм. У входа стояли маленькими группами черные сгорбленные фигуры. Это и были девушки-паломницы, приехавшие в 1914 году. Что стало с ними за эти сорок лет беженства и безнадежной нужды! Они знали, что мы привезли им денежную помощь, и всячески старались нас обласкать. Предлагали воспользоваться приготовленными ковриками и подушками, искали возможности с нами заговорить. Миновав их шуршащее скопление у скамеек, паломники собрались впереди молчаливой, стоящей группой.

Прекрасное своим благолепием богослужение совершили два архимандрита и два диакона. Пел славный Елеонский хор из двенадцати женских голосов. Отец архимандрит Димитрий, начальник Миссии, произнес с амвона проникновенную проповедь.

Глубокое впечатление произвела на нас личность этого культурного, образованного пастыря, никогда не расстающегося с приветливой улыбкой, обладающего даром слова, хорошим голосом и слухом. Он взял на себя заботу вести паломников осматривать достопримечательности Елеонской горы, и оживил это посещение своей красивой речью, в которой проявились ученость и точная оценка классической старины, наряду с теплой сердечностью. Через него мы поняли все значение дела покойного архимандрита Антонина, память которого мы полюбили. На его могиле мы пропели заупокойную литию. За ней последовала вторая — в память его преемника, трагически погибшего игумена Парфения.

Отец Димитрий повел нас в часовню, на полу кото-

рой обложено мозаикой углубление, означающее место Третьего Обретения Главы Святого Иоанна Предтечи; в незаконченный храм Страшного Суда; в Елеонский музей, где богатая коллекция ископаемых редкостей — светильники, вазы, кольчуги.

Для дальнейшего осмотра он нас поручил деятельной монахине-старожилке. Мы осмотрели вне стен обители мусульманскую часовню — «Стопочку» (пл. III (18)). Это — восьмиугольная маленькая постройка с круглым куполом, внутри которой все вероисповедания благоговейно поклоняются следу ноги Спасителя. Центр храма находится вне святого отпечатка, следуя поверью, что нельзя **«свести свода над местом вознесения».**

Далее нас принял храм «Отче наш» (пл. III (19)), построенный над пещерой, где Спаситель учил апостолов краткой, но всеобъемлющей молитве. Эта католическая церковь замечательна тем, что ее стены украшены мраморными досками, на которых Молитва Господня выгравирована на 47-ми языках.

Жара становилась невыносимой. Я то и дело повреждала себе ноги на белых камнях. Следовать за группой далее у меня не хватило сил. Пришлось вернуться в монастырь.

Случай с митрой

Паломники успели подружиться с Елеонскими старушками, а меня Е. И. познакомила с милой регентшей, дорогой матушкой Е. Она мне показала, как найти ее келью, и, вернувшись, я направилась прямо к ней.

У нее на хорошем тенистом балконе — квартирка, состоящая из передней, где она готовит, коридора и двух спален. Когда я пришла, она оторвалась от поглощающих ее кулинарных приготовлений, — в тазу росло тесто на дрожжах, — чтобы предложить мне воды для умывания, чистый, свежий, хотя и залатанный

подрясник, опрятную кровать и тарелку винограда. Все это мне так было нужно! От всего сердца я ей была признательна, когда, освеженная водой, сняв мои пропотелые одежды и тяжелую обувь и облачившись в ее подрясник, я протянула свои уставшие ноги и стала щипать ветку сладкого, спелого винограда.

В передней шипел примус. Матушка мелькала между пончиками и моей кроватью, и мы урывками разговаривали о регентских затруднениях, о невозможности найти ноты, омолодить стареющие голоса, угодить на все вкусы, — словом, обо всем том, что нас обеих так живо интересовало.

Внутренне я благословляла Е. И. за удачную мысль такого приятного для меня знакомства и мучилась одним назойливым вопросом, как отблагодарить мою хозяйку за ее ласку, за прием и, главное, — за воду.

Через окно я видела группы, образовавшиеся в парке кругом паломников. Елеонские обитательницы предлагали посетителям иконки, кресты, молитвенники и свои изделия — восковые разукрашенные яйца и шерстяные четки. Под корректным предлогом покупки, приготовленные нами пожертвования текли обильным ручьем. Удастся ли и мне вручить моей подруге маленькую сумму на ее личные нужды?

Мне показалось, что случай представился: она мне принесла сборник песнопений, и я ее спросила, не найдутся ли у нее какие-нибудь ненужные ей ноты, которые мне могли бы быть полезны и которые я с удовольствием у нее купила бы. Таковых не оказалось. Но она, покинув свое тесто, решительно подошла ко мне. Я почувствовала, что наступил момент откровенных объяснений.

«Найдите мне клиента».

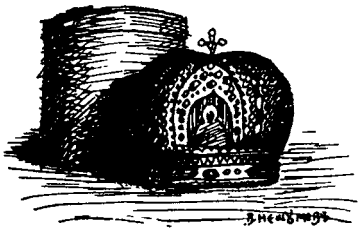
«А что Вы продаете, милая матушка?» — любопытно спросила я.

«Митру».

«Митру!?» — воскликнула я с испугом.

«Да. Прекрасную золотую митру».

«Покажите, пожалуйста! Хотя я сомневаюсь, что смогла бы ее купить. Наверно, чудная! Но ведь митра стоит минимум тысяч десять!» Я в уме прикидывала, сколько у меня остается долларов, и сколько это получается по курсу.



«О! меньше, чем за 50.000 я ее отдать не могу. Мы на нее вдвоем работали целый год. Сами проклеили форму, обтянули парчей, вышили рельефные кресты и узоры. Посмотрите-ка!» Из мягкой шелковой бумаги выглянула и заблестела своими разноцветными камнями, разукрашенная яркими миниатюрными иконками архиерейская митра. — «Посмотрите! Видите: внутри шелковая стеганная подкладка, и стягивается по голове шнурком».

«Конечно, —думала я —шнурок, это удобно. Но какая бы она ни была замечательная, что мне с ней делать?»

«Да я и не хочу, чтобы вы ее покупали», — продолжала моя хозяйка, — «вы мне только найдите клиента».

Что мне было ответить доброй матушке? Чем я могла ей помочь? Как ей объяснить, что я не обладаю никакими коммерческими способностями, никогда ничего не сумела продать и за всю жизнь ни копейки не заработала. Я только была ей от всей души благодарна и соболезновала ей в столь трудном, как мне казалось, предприятии.

«Вы продадите ее, милая, продадите! Найдете клиен-

та!» — сказала я ради утешения. «Принесите-ка ее, когда мы будем обедать».

Но я говорила неискренно; мне думалось:

«Митра слишком богата для нас! Кто сможет выложить такие большие деньги? Да и как же ее везти?»

Пончики опять потребовали ее наблюдения, и она удалилась, предоставив митру моим восторгам. Чьи-то старческие шаги послышались на балконе. Кто-то вошел и громко зашептал:

«Ну, как? Продалась?»

«.....», слова ответа для меня были неуловимы.

«Как же так? Смотри, все другие что-то продают! Сестра Мария продала три яйца! Матушка Анна — с полдюжины четок, а у Глафиры разобрали все крестики».

«.....»

«Ну, как же так! Как же так!»

С каждым вздохом бедной старушки моя совесть меня все больше и больше мучила. Кровать и подрясник, вода и виноград — всем я была обязана милой монахине. Чувствовала я, что, вот-вот, еще появятся горячие пончики.

Я открыла свою сумку, пересчитала свои доллары, прощупала, сколько осталось припрятанных на самый крайний случай заветных золотых. Нет, даже если все реализовать, за митру мне не выплатить. Да и как я повезла бы такую неловкую ношу, когда мои больные колени с трудом носят мое собственное тело.

Колокол к обеду положил конец моим размышлениям.

За столом С. Н., по установившемуся обычаю, принял на себя инициативу тарелочного сбора, который оказался крайне удачным. Облегчив слегка в свою очередь свое портмоне, я почувствовала, что совести моей стало легче.

К концу обеда матушка Е. появилась с большим завязанным узелком. Все бросились с вопросом:

«Что это?»

Я же легко догадывалась, что это было, и, не желая быть свидетельницей неудачи, удалилась.

Прогулявшись по владениям монастыря, я расположилась на тенистом склоне горы, где просидела жаркие часы.

Когда я спохватилась, что прошло уже много времени, уже поднялся вечерний ветер и дул с такой силой, что, казалось, унесет человека. До всенощной оставалось лишь четверть часа. Надо было принять какое-то решение, и я поднялась снова в келью моей подруги.

Она меня приняла с веселой улыбкой:

«Митру взял «брат Николай!»

Это радостное известие меня ошеломило. Вот какие между нашей беднотой нашлись капиталы! «Брат Николай»!? Какой такой «брат Николай»?!

Может быть, Николай «Фин», для Сергиевского подворья?

Может быть, Николай В., для Daru?

Но мне все равно! Важно, что милая матушка довольна, что таинственный голос, который я слышала в передней, не будет больше шептать: «Ах, как же так! Как же так!»

А главное, — моя внутренняя благодарность. Ведь я знаю, кто это сделал! Кто помог матушке Е. в ее трудном денежном предприятии! Это — святитель Спиридон, «*змію въ злато претворивый*», внушил доброму паломнику это дело милосердия.

Я почувствовала облегчение, что наша забота отошла. Мы попрощались, как родные, обменялись адресами. Она мне одолжила ноты и подарила подушку, туго набитую собранными в Гефсиманском саду и на Елеонской горе растениями.

Спасибо доброй матушке Е. за всю радость, что я распространяю кругом себя, раздавая эти душистые колючки, ломкие сосновые иглы и сухие дубовые и оливковые листья.

А митру купил не Николай В., не Николай «Фин», а Николай С., добродушный, веселый паломник. Купил и неразлучно носил ее на веревочке, в высокой

цилиндровой картонке, дно которой скоро отвалилось. Даже при осмотре пирамид он с нею не расставался. И ради нее, с невозмутимым стоицизмом, переносил множество шутливых вопросов:

«А подлежит ли митра пошлине?»

«А дорого ли вам придется платить за нее?»

«А как вы ее спрячете от таможенного чиновника?»

Николай С. с этого дня удостоился клички **«Митрофорный паломник»**.

VIII. ВТОРОЕ ПОСЕЩЕНИЕ ИЕРУСАЛИМА

Два кладбища

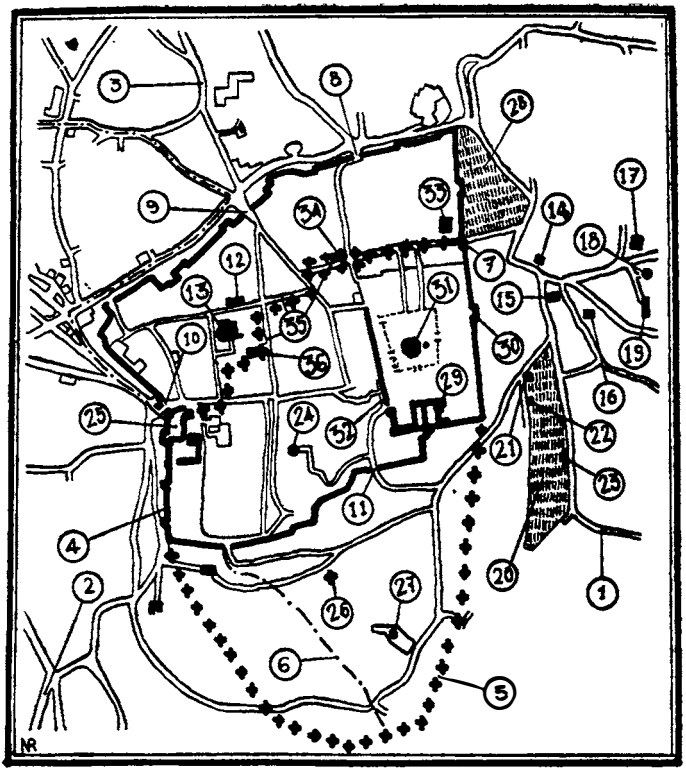
Где можно найти более печальное, подавляюще-унылое место, чем **«долина Иосафатова»**? (рис. 24)

Перед «Церковью Народов» в Гефсимании, начинается налево спуск вдоль обширного **«Еврейского кладбища»** (пл. III (20)). Здесь, на каменистой, известковой, мастикового цвета почве набросано в беспорядке неисчислимое множество небольших продолговатых поминальных плит. Ни единая травка не вносит сюда присутствия жизни, ни единый памятник не говорит о заботах любящих родных, ни единая надпись не напоминает о личности отшедшего, ни единый посетитель не молится над могилой. Под палящим солнцем — голый склон **«юдоли Божьего Суда»**, окаменелое владение Смерти.

Наш автокар, круто тормозя, спустился по ущелью. Мы слезли у любопытного **«памятника Авеесалома»**:

«Еще при жизни своей Авессалом вздумал поставить « себе памятник, стоящий в **«Царской долине»**, ибо, « говорил он, нет у меня сына, чтобы напоминать о « моем имени, и потому доныне называется он Столп « бом Авессалома» (II Царств, **18**), (пл. III (21)).

Это маленькое четырехугольное здание, с куполом формы перевернутой воронки, единственное в своем



План Иерусалима

роде, наполовину выдолбленное в скале, древнейшее из древнейших, стоит в полной сохранности и тысячелетиями «напоминает об имени Авессалома». За ним виднеется **«Гробница Пророков»** (пл. III (22)) и **«пещера Иакова, брата Господня»**. Обе высечены в скале.

Мы перешли через сухое русло потока Кедрона и поднялись по противоположному, спускающемуся от Иерусалима, склону долины. Первые стены города (пл. III (5)) ограждали всю эту местность. Ныне же она представляет нагромождение навороченных камней.

Через **«Ворота Навоза»** (пл. III (11)) мы вошли в южную часть Святого Города. Нас повели по ступеням вдоль стены. Какой чудный вид открывается отсюда на спускающуюся долину и на удаляющееся чередование гор! Но нас предупредили быть осторожными. Положение города — полувоенное: на недалеко отстоящей **«Башне Давида»**, (пл. III (25)), отошедшей в Израильское владение, сидят вооруженные солдаты. Один из них может пустить шальную пулю...

Все кругом говорит о военных действиях: на большом пространстве не сохранилось ни одного дома, все разрушены снарядами. Здесь начинается трагическая крытая улица, где в течение пяти суток велся кровопролитный рукопашный бой. Здесь в глубокой пещере-цистерне спряталось множество евреев и там и погибло. Мы проходили вдоль бывшего здания гимназии. Оно все потрескалось, грозит разрушиться, но служит теперь временным прибежищем неимущим крова. Заботливая рука украсила накренившиеся подоконники горшками с ползучей геранью.

Мы повернули в бедные арабские кварталы, кишащие детворой, и, тесно сплоченные, во избежание неприятных столкновений с нерадушними жителями, дошли до скромной, приветливой, непосещаемой иностранными туристами, церкви Георгия Победоносца (пл. III, (24)). Пропев тропарь и величание Святому Велико-

мученику, мы отдохнули на этом затерянном среди арабского мира русском островке.

Покинув снова ограду Крестоносцев, мы пошли немного ниже демаркационной линии (пл. III (6)) и параллельно ей, по склону горы Сион, на которой много богатых имений с парками, фруктовыми садами и оливковыми рощами, до места, где некогда стоял дворец Каиафы (пл. III (26)). Пол века тому назад католиками были тут предприняты раскопки, и открылись: старинная лестница, развалины древних жилищ, мозаики, и подземная пещера с одним отверстием наверху. Трудами археологов установлено, что взятого в Гефсимании Спасителя привели по этим ступеням и, пока иудейское соборище обсуждало Его дело во дворце Каиафы, воины спустили Его на веревке через это отверстие в темничную яму, где Он пробыл несколько часов под наблюдением стражи. Никто никогда не говорил нам об этих недавних открытиях!!

Неровное отверстие этой отвратительной ямы представляло перед нашими глазами живую картину оплеванного, поруганного, уничиженного, спускаемого на веревке Спасителя... Все паломники были глубоко потрясены, и пещера огласилась криками изумления и ужаса...

Дальнейшая часть прогулки была утешительнее. Мы спустились в Силоамскую долину. Поджидавший здесь автокар повез нас к **«источнику Божией Матери»**, к которому мы не смогли близко подойти, так как около него скопились недружелюбно настроенные туземные женщины. Кругом виднелись хорошо орошенные сады и огороды.

Повернув обратно к городу, мы посетили **источник и купель Силоамские** (пл. III (27)). Хотя мы все были зрячие, но чьи духовные очи не требуют прозрения! И мы, в воспоминание прозревшего слепого (Иоана IX, 1-38), омыли наши глаза в ее целительных водах.

После этого мы вернулись в Гефсиманию.

Попразднество Успения совпадает с мусульманским четырехсуточным праздником «Айд ел Кебир» (*)

Арабы веселились! Многие простолюдины надели европейские костюмы, утратив при этом свой восточный облик. Вместо будничных шлепанцев, они обулись в яркокоричневые башмаки с выпуклым швом. Пепельная пыль с первых же шагов осела на них и прилипла пленкой к свежей ваксе. «Цивилизованный» костюм не изменил их дикой привычки, и они прыгали на ходу в наш автокар, облепляя его своей галдящей массой.

Женщины гуляли отдельно. Они надели свои красивые вышитые платья и головные уборы. Те, кто помоложе, подтемнили глаза и подмазали губы и щеки, другие спустили на лицо густую черную вуаль. Десятилетние девочки и те изуродовали свои свежие детские мордашки неуместным употреблением косметики.

Запружившие шоссе прохожие с криками и ужимками отскакивали, когда проезжали автомобили. Высыпали уличные торговцы, продающие на висящих на ремне лотках некое подобие жареного кренделя.

Центр гуляния находился вправо от Гефсиманской дороги, на возвышенности, где — ни единого растения, ни единого куста, а только камни, камни, камни: плиты, колонны, обломки каких-то сооружений.

«Как могут они ходить по такой неровной почве, — с ужасом думала я. — Я себе там в конец вывернула бы ноги».

Снизу мне виделись сооруженные из ящиков и досок примитивные качели и карусели.

Настоящее назначение этого места, избранного для народного увеселения мне в голову совсем не приходило. Мне поведали, что это... мусульманское кладбище (пл. III (28)).

Наша экскурсия, начатая на подавляюще безна-

(*) Праздник заклания барана.

Рис. 24 — **Иосафатова долина**

дежном еврейском поле Смерти, заканчивалась веселым гулянием арабов среди мусульманских гробниц.

Харам-эл-Шериф

В Великую Субботу, когда в волнующем чередовании паремий мы трепетно слушаем 10-ую, кто из нас, чтобы не видеть пролития крови невинной, не закрывает с ужасом лицо при стихе:

«Простер Авраам руку свою и взял нож, чтобы заколоть сына своего» (Быт. **22**, 10).

Какое облегчение приносят следующие слова Творца и Избавителя:

«Не простирай руки твоей на отрока... ты боишься Бога и не пожалел сына твоего, единственного твоего ради Меня!»

Жертва — неотъемлемая необходимость религиозной жизни. Но как часто понятие ее искажается! Критерий ее ценности лежит в ее цели. Когда приносящий ее Авель забывает себя самого и действует ради любви к Богу и ближнему, — высоко к небу поднимается

благовонное курение. Когда же Каин всесожжение приносит с гордостью, корыстью и суеверием, — злосмрадный чад его жертвы простирается далеко по поверхности земли и отравляет воздушную стихию.

Для своей богоугодной жертвы Авраам поднялся на высокий камень «**горы Мория**». Окружающая пустыня странствований кочующих стад Патриарха с веками заселилась. Этот участок достался по жребию колену сынов Иудиных (Иис. Нав. 15, 1-12). Вокруг вырос город Иерусалим. Это заветное место кроткий Давид избрал для постройки Дома Богу Всевышнему. Великий царь Соломон осуществил ее.

Кто здесь ни строил! Кто здесь ни громил!

Опустошенный Новуходоносором храм Соломонов был восстановлен Киром. После его разрушения Титом, новый воссоздала царица Елена.

Каждая приходящая власть чем-то отметила свою память: строениями или развалинами. Остатки созидательного творчества: развалины старинных пелагических построек, грандиозные аркады портика, вели-

чественные ступени, стройные кипарисы, изразцовые бассейны здесь тесно дружат с разрушительным началом: пыльными грудами камней, скелетами стен, обрубками сломанных колонн и воронками разрывных снарядов последней войны.

Восстановленные крестоносцами в XI веке крепостные укрепления ограждают с восточной и южной стороны **«Харам-эл-Шериф»** — огромный залитый солнцем, вымощенный древними каменными плитами двор.

Обращенные к востоку замурованные **«Златые Врата»** (пл. III (30)) ожидают, чтобы открыться, дня Второго Пришествия. Их парная постройка должна напоминать проходящим о парных скрижалях закона Моисеева. Рядом с ними можно поклониться гробнице древнего пророка. Далее виднеются жилища, известные под названием **«Конюшен Соломоновых»**.

Римская античность здесь оставила свои белые колоннады и лестницы. Магометанский мир в пыль превратил ее мраморные изваяния.

Царица Елена (*) на месте **«Введения Богородицы»** воздвигла в память этого события величественный византийский храм. Он не разрушен, а превратился в мусульманскую мечеть (пл. III (29)) **«Эль-Акса»**. Христианская стенная живопись, православные иконы исчезли. Их заменили мраморные плиты с выдолбленными орнаментами — гордость ваятеля, которому запрещено изображать живую тварь.

Мы вспоминаем важнейшие события: Введение, Обрезание, Сретение, пока идем босыми ногами, по расстеленным коврам и плетенкам, до стены, касающейся южного обрыва над **«Селом Крови»**, чтобы увидеть место, где Божественный Отрок озадачил учителей иудейских своими не по возрасту мудрыми вопросами (Луки 2, 40-52).

Но Боже сохрани перед этим памятным местом

(*) По другим сведениям, император Юстиниан.

осенить лоб крестным знамением: здесь мы находимся в мечети, и знак христианства — тут профанация.

Недалеко, у противоположной византийской колонны, обнесенная низенькой загородкой слегка приподнятая эстрада. Сюда королевская семья приходит на молитву. Пророк Захария не последний был убит между храмом и жертвенником: эти глубокие, впитывающие звуки, красные ковры были в 1951 году залиты кровью короля Иорданского, Абдуллы Ибн Уссейна, застреленного преступной рукой.

Строительные труды **«калифа Омара Хатаба»** поставили посредине Харам-эл-Шерифа, над камнем горы Мория, который служил жертвенником в Храме Соломона, знаменитую «**Мечеть**» (пл. III (31)). Это — симметричное восьмиугольное здание с четырьмя дверьми, завершенное непропорционально возвышенным куполом и сплошь украшенное голубыми изразцами. Внутри, благодаря коврам и дымчатым окнам, царит молитвенный полумрак и тишина. Широкая круглая галерея обходит вокруг внутренней, высокой, богато разукрашенной загородки, скрывающей от взора посетителей заветный «**Камень Авраамов**», на котором левитские священники совершали свои заклания. Кровь жертв стекала через отверстие, выдолбленное в самой скале, и по длинному подземному каналу уносилась за южную стену, к тому самому месту в долине Силоамской, и поныне носящему название «**Село Крови**», где Иуда кончил свою предательскую жизнь.

Как противные Иегове поклонения на высотах и языческие жертвы, так и левитские богоугодные заклания прекратились. Гордиев узел их вражды рассекся мечом сарацина, который тут установил свой безобразный культ. Высокий, строгий, верный священным предписаниям мусульманин, омывающий у бассейна свои усталые ноги, символизировал на Харам-эл-Шерифе власть великого «**Иерусалимского Муфти**», покровительственному отношению которого мы обя-

заны охранением драгоценных древних святынь, справедливым опекунством различных христианских исповеданий, благожелательностью к русским паломничествам и разрешением на посещение мечетей.

Прежде чем покинуть эти мусульманские владения, часть паломников спустилась с их северной ограды в глухой, глубокий, как ущелье, переулок, перед заветной **«Стеной Плача»**. Чтобы не утруждать мои больные ноги, я ждала их возвращения, слушая трагические рассказы отца Феодосия об ужасных бомбардировках прошлой войны, опечаливших эти места воспоминанием о бесчисленных человеческих жертвах.

Когда мои товарищи возвратились, я с живым интересом спросила их, что они видели. Ответ был: «Видели простую стену!»

Вот и все! Простая стена! Заветное место, где Иудейский народ оплакивал свое былое величие! Где он взывал к Всевышнему о братьях, уведенных в Вавилонское пленение! Где пророк Иеремия возносил жалобы своих вдохновенных стихов! Что осталось от этого потрясающего прошлого? — Простая стена!

По дороге к Храму

Мусульманский дух Харам-эл-Шерифа нам чужд. Христос пострадал вне стана, и мы вышли из ограды древнего храма и искали Его Божественных следов на улицах нынешнего города.

Под сенью северных ворот ограды, близ минарета, расположился горшечник евангельских времен. Рядом с его стулом, на земле, кучей навалены кувшины и горшки для «почетного и низкого употребления», которые он перед нами раскрашивает примитивными рисунками и продает нам за бесценок.

Напротив его лотка находится **«Жилище свв. Богоотец Иоакима и Анны»**. Тут родилась Пресвятая

Дева и жила до своего введения во храм. Тут же скончались Ее святые родители и были отсюда перенесены в Гефсиманскую пещеру.

Тихая безлюдная улица, по которой мы идем — та же, где мы встретились в день предпразднества Успения с плащаницей Божией Матери. Начинается она у ворот (пл. III (7)), именуемых по разному: **«овчими»**, потому что через них приводили овец для жертвоприношений, **«Гефсиманскими»** — потому что они ведут в Гефсиманию, или **«св. Стефана»** — потому что перед ними Св. Первомученика побили камнями.

Мы дошли до католического владения и осмотрели остатки **«Овчей Купели»**, где в древности омывали животных, предназначенных для заклания. Она же — **«Вифезда»**, или **«Дом милосердия»** (пл. III (33)).

Прежний уровень почвы покрыт двухэтажным наносом веков, и снаружи нет никаких следов древней постройки и ее «пяти притворов».

Спустившись по темной крутой лестнице, паломники нашли под решеткой глубокую яму с водой. Один из них, сжалившись, опустил на конце длинной палки платок в воду и подал его мне, изнывающей от зноя, чтобы освежить потный лоб и лицо. Я немного ожила и последовала за группой по спокойной залитой солнцем улице, между длинными стенами монастырских и церковных владений. Далее — несколько юридических кабинетов установили свой генеральный штаб на тенистой стороне улицы. Их канцелярия — совершенно голая кубическая комната, настежь открытая на улицу. На двух стульях сидят — внимательно слушающий, холеный, выбритый, важный адвокат в яркой феске и европейском костюме с накинутым сверху коричневым плащом, и — конспиративно что-то рассказывающий, грязный, седой, бородатый истец, в бедном деревенском полосатом платье, с ободранной накидкой, косынкой и шлепанцами на босу ногу. Клиент слепо доверяется непогрешимой памяти своего защитника,

который не пользуется никакими записными книжками, знает наизусть весь Коран и освоил искусство ловко применять содержащиеся в нем законы, пуская в ход все субтильности восточной диалектики и тонкую, изысканную, как арабески изразцов, дипломатию.

Мы приблизились к арке «**Ecce homo**». Здесь начало «**Крестного Пути**» (пл. III (35)).

Особыми камнями в стенах указана «**пятая станция**» (*), где на Симона Киринеянина возложили Крест Господень, и «**шестая**», где святая Вероника подала Спасителю плат, чтобы обтереть Его облитый потом, обагренный кровью Божественный Лик.

Мы подошли к русскому подворью. Раскопки, предпринятые здесь Палестинской Миссией по инициативе архимандрита Антонина в 1883 году, обнаружили «**порог**» и «**Врата Суда**», ведущие из древнего Иерусалима к месту казни. Легко понять насколько важны трагическая арка «ворот» и древний камень «порога». Мы долго тут сидели под высокой стеклянной крышей и в свежести углубленных раскопок переживали наши впечатления.

Я все старалась понять происхождение рядом со спуском высоко нагроможденного пригорка и, наконец, сообразила. Во время работ по освобождению драгоценных остатков от глубокого слоя, покрывавшего их, вырытую землю не увозили, а кучей складывали рядом, что образовало маленький холм, на котором построили церковь. Мне предстояло новое удивление, когда я узнала, что этот храм и подворье носят имя **Александра Невского**. «Что общего имеет наш национальный святой с далеким Иерусалимом?»

Впоследствии, уже в Париже, П. К. разъяснил мне, что «благоверный русский князь стоит здесь «*на божественнѣй стражи*», как «*богоглаголивый Аввакумъ*», защищая Православие от притеснений и завоеваний иноверцев».

(*) Станциями называются остановки на Крестном Пути.

Храм здесь совсем рядом. Сидя на подмостках перед Вратами Суда, игемон мог наблюдать за точным исполнением на Лобном месте вынесенного приговора. Голгофа так близка, и все эти здания так тесно сплочены, что старожилы по крышам, лестницам и террасам то и дело переходят из Дома Раскопок — Александровского подворья к Храму и подворьям Гефсиманскому и патриарха Авраама. Все эти строения образовывают своей компактной массой одно православное ядро, центром которого является небольшой двор. Тут надо долго жить, чтобы ориентироваться в этом лабиринте, понять его структуру и умственно его расчленить.

Милый дворик

Выходя из раскопок, надо пройти шагов пятьдесят вдоль стены до маленьких ворот, ведущих в небольшой, вымощенный неровными каменными плитами, дворик (пл. IV (1)).

Множество народа может поместиться в Храме Гроба Господня, и каждый входящий должен тут пройти. Но это — не холодно - величественный «Parvis Notre Dame», это — не монументальная эспланада римского «San Pietro». Перед важнейшей христианской базиликой — спокойный, тихий, уютный уголок, интимный, как провинциальный закоулок. Две неожиданные ступеньки перерезают его во всю ширину. Кругом старинные грандиозные стены, лестницы, выступы, пристройки. Все необычайно ассиметрично. Направо — **«подворье патриарха Авраама»** (пл. IV (2)). Мне привелось подняться в это здание, купить брошюрки и книжки. Какая мощь! Какой размах! После наших спичечных коробочек, невообразима эта вышина потолка и длина широкого внутреннего коридора.

Напротив подворья — наружная глухая стена одного из притворов Храма.

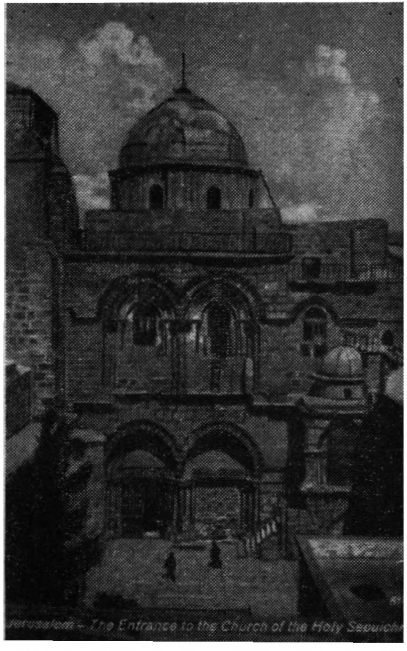


Рис. 26 *Клише «Вѣчное»*

Прежний вид Храма Гроба Господня

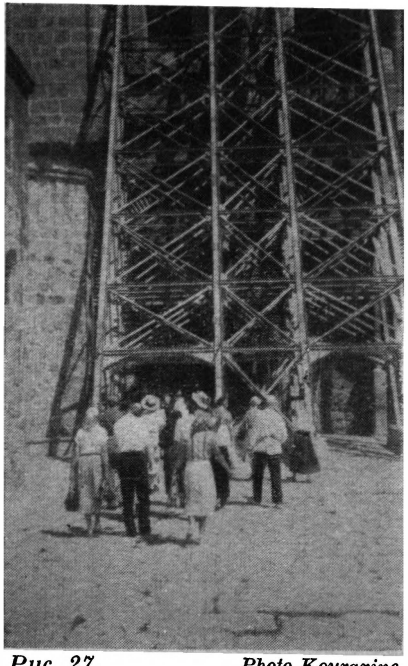


Рис. 27 *Photo Kouraxine*

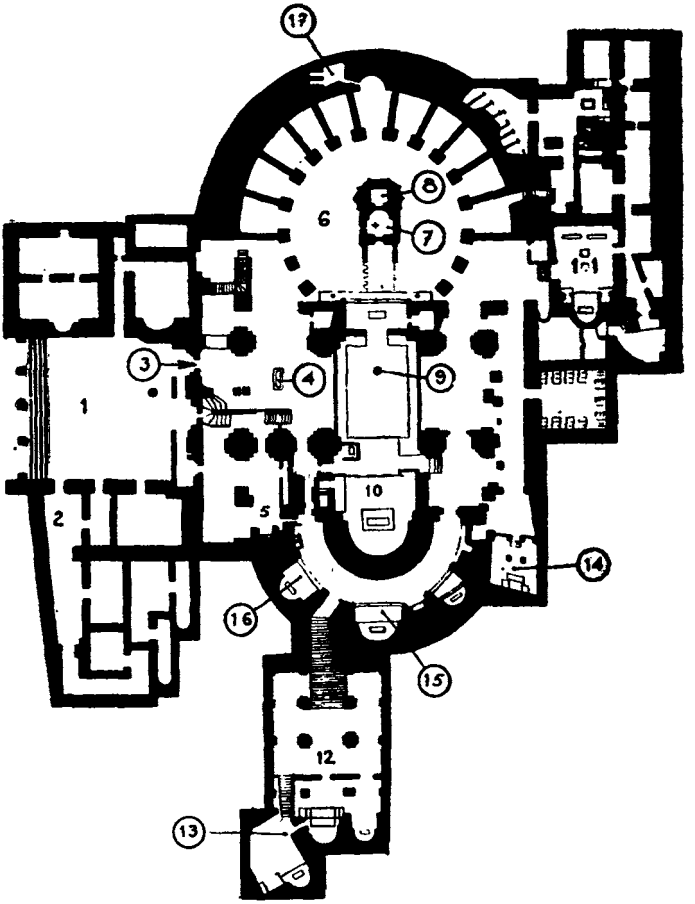
Паломники подходят к Храму Гроба Господня

Добрая четверть двора заставлена подавляющими железными подпорками, обвитыми переплетением из колючей проволоки (рис. 27). Это сооружение, — неожиданно выросшая откуда-то нога Эйфелевой башни, — совсем не к месту в этой обстановке, носящей печать вечности. Зачем проникла между этими античными строениями, беспощадная, актуальная действительность? Ее напоминание так же болезненно шокирует здесь, как и присутствие по дороге, вдоль стены Крестоносцев, блиндированных препятствий или беженского лагеря у колодца Иаковля!

Наши глаза, наши сердца желают, чтобы поскорее были убраны эти уродливые брусья. Зачем они здесь? Вероятно, по причине ремонта храма, предполагаем мы. Ну, а для чего же колючая проволока?

После, на досуге, обдумав собранные впечатления и изучив фотографии, я поняла, что этот скромный дворик, с давних времен, является порою сценой грандиозных торжеств. Весь клир, в полном параде, с самим Святейшим Патриархом во главе, располагается на нем в благолепном порядке; молящиеся теснятся кругом; любопытное безудержное арабское множество приступом берет карнизы и балюстрады, влезает на самую крышу и там садится, свесив ноги в пространство на высоте восьмого этажа. Если бы не препятствие колючей проволоки, они, со своей обезьяньей ловкостью, мухами облепили бы как будто ожидающие их железные брусья.

Любящие свою святыню и гордые ею иерусалимляне продолжают печатать и продавать фотографию двора до возведения подпорок (рис. 26). На ней храм виден в своей прежней величественной красоте. Видны излюбленные местными строителями парные монументальные окна и двери. Отчетливо выделяются камни на три четверти замуровавшие их. Видна лопнувшая по всей длине колонна, ветхие облупившиеся стены, простые строгие украшения над арками окон. Какая общая гармония в этой простоте и мнимой несураз-



План Храма Гроба Господня

ности! Но теперь надо примириться с печальной действительностью и благодарно полюбить опекающие существование храма уродливые, но необходимые леса.

Во время нашего паломничества празднеств у Гроба Господня не справляли. Живущие под его сенью монахи выходили сюда подышать воздухом и провести время.

На цементном блоке, служащем базой железной гигантской ноге, сидел и отдыхал молодой иеродиакон, детски-любопытно осматривающий проходящих, как любой скучающий в затерянном захолустье праздный подросток, когда не с кем играть в чехарду.

IX. ХРАМ ГРОБА ГОСПОДНЯ

«И двери затворились»

Мое повествование уже близится к концу, я же все еще не осмеливаюсь приступить к его центральному пункту. Храм Гроба Господня — такая недосягаемая святыня, приближение к нему производит столь потрясающее впечатление, что никакой рассказ не смог бы его передать. Вот почему я ограничусь лишь некоторыми типичными, касающимися этого достопамятного храма, деталями, которые привлекли мое внимание.

Первая особенность, удивившая меня — это важность, которую придают открытию и закрытию его дверей (пл. IV (3)). Целый мирок живет под его святой сенью. Когда двери заперты — все обитатели и посетители его изолированы от внешней жизни. Естественно, что часто слышится вопрос: «В котором часу закроют двери, в котором часу откроют их?» Сама же процедура закрытия связана с интересным, необыкновенным, вековым церемониалом.

Уже за полчаса ощущается волнение. Несколько

раз стучат в висящую бронзовую ручку. Эти удары разносятся по всему зданию, как далекие громовые раскаты и торопят запоздалых посетителей, чтобы они поспешили удалиться. Кучка любопытных делится на остающихся и уходящих. Когда часы бьют урочное время, (*) монументальные, 30-сантиметровые двери, обитые железными листами, затворяются и закрепляются тяжелыми подпорками. Сторож араб, представитель правительства, живущий в подворьи патриарха Авраама, около входа в храм, — закрывает верхнюю наружную задвижку, пользуясь лестницей. Потом он ее через форточку передает внутрь храма, живущим под его сенью и служащим в нем представителям четырех религий. Форточка закрывается, закрепляется подпоркой с замком. После чего, каждый священник поочередно, — православный, католик, армянин и копт, пускает в ход свой ключ в доверенной ему скважине.

Дверь заперта! Процедура кончена, и они, обменявшись несколькими словами, расходятся по своим квартирам.

Святыни Храма

Тяжелые, закрепленные подпорками, запертые на пять замков двери до четырех часов утра отрезают полсотни человек от внешнего мира. Обойдем этот «корабль, спасающий в море житейского плавания», постараемся понять его удивительную структуру и запомнить расположение некоторых содержащихся в нем святынь.

У входа перед дверьми, немного выше уровня пола, находится «**Камень помазания**» (пл. IV (4)); на нем (рис. 28) Праведный Иосиф Аримафейский со святыми женами мироносицами полагали тело Спасителя, когда

(*) Во время нашего пребывания двери закрывались в 19 часов.

Его спустили с Креста, чтобы помазать ароматами и обвить плащаницею. Далее выделяется камень, на котором стояла в это время Его горько плачущая Мать.

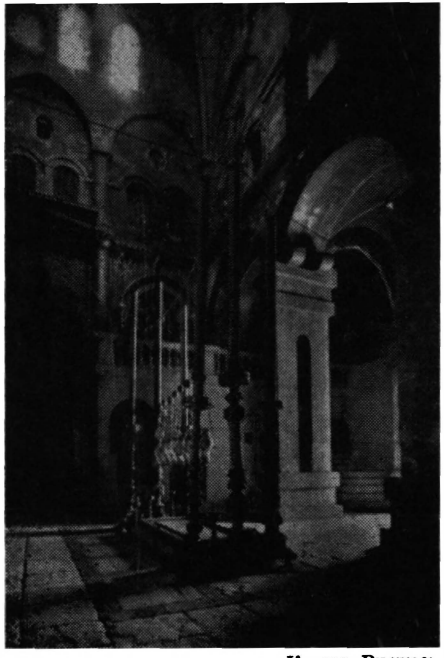
Направо лестница ведет на второй этаж, пол которого является надстройкой, покрывающей **Лобное место.** (*) На **«Трепетной Голгофе»** (пл. IV (5)), в боголюбивом соревновании соперничают роскошью и красотой три престола: православный, католический и армянский (рис. 31). Нас допускают приложиться к мраморной плите, на которой круглое отверстие соответствует месту водружения Святого Животворящего Креста Господня. Тут же, открыв маленькое оконце, проделанное в полу, можно видеть камень, который рассекся, когда Спаситель испустил дух.

У входа в этот придел — обширная передняя, ведущая в жилые помещения греческих монахов. В их трапезной — длинный мраморный стол на широкой каменной массивной ноге, коих мне пришлось много видеть в наших передвижениях. Предполагаю, что подобная постройка стола отвечает древнему обычаю. Мне дорога мысль, что на такой именно трапезе был преломлен Хлеб нашего Спасения.

Мельком мне удалось заглянуть в кабинет, с плюшевой мебелью, большим письменным столом и портретами духовных лиц.

Спустясь снова к Камню Помазания и обогнув его направо, мы встречаемся с монументальными, близко поставленными, колоннами. Пройдя через узкое пространство между двумя из них, попадаем в **«Ротонду»** — совсем круглый, очень высокий, старинный храм византийского стиля (пл. IV (6)). Строгость и оголенность этого гигантского ларца сосредоточивает все внимание на содержащейся внутри его драгоценности,

(*) По преданию, под «Лобным местом» закопан череп Адама. Когда Христос умер на Кресте, камень рассекся и истекшая Святая Кровь Спасителя протекла по расщелине и оросила череп праотца, омывая его от первородного греха.



Клише «Вѣчное»

Рис. 28 — **Камень Помазания**

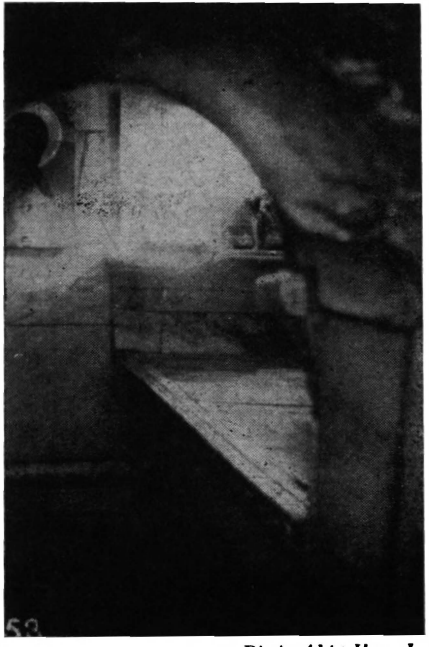


Photo Abbé Hamel

Рис. 29 — **Пещера Гроба Господня**

которой является «**Кувуклия**», то-есть вторая роскошно и замысловато разукрашенная маленькая церковь, стоящая посередине (рис. 30), содержащая крошечную переднюю (пл. IV (7)), в которой «**Камень**» означает место явления «**Ангела**» Мироносицам, и «**Пещеру**» (пл. IV (8)), в которой не могут поместиться более трех человек, где в виде престола — святой «**Камень Гроба Господня**» (рис. 29).

Не моим грешным устам, не моему неискусному перу повествовать о всех молитвах и хвалениях, которые род человеческий 2000 лет изливает на этом месте!

Над мрамором — прекрасная золотая икона Воскресения Господня и множество лампад. Между пещерой и передней комнатой — отверстие, через которое может пройти наклонившись только один человек.

Такого рода лазейки особенно излюблены местными строителями. Мы уже пролезали через них у чудотворной иконы Сайднайской Божией Матери, у Гефсиманской гробницы и в Храме Рождества Христова. Когда литургия совершается в тесной пещере, и голос священнослужителя глухо доносится до нас через это узкое отверстие, затуманенный, еле слышный, создается совершенно особое таинственно-мистическое настроение.

Лицом к Кувуклии и соединенный внутренними воротами с круглым строением, содержащим ее, находится второй храм — «**Кафоликон**» (*) (пл. IV (10)). Невозможно определить сложный, замысловатый стиль этой обширной церкви. Перед ее иконостасом — подобие крытой галереи с деревянными ярко раскрашенными колоннами, совершенно неожиданного эффекта. Посередине находится полукруглый камень, знаменующий ось христианской жизни и называющийся «**Средоточие земли**» (пл. IV (9)).

Продолжая путь налево, мы находим обширный католический придел (пл. IV (11)), где хранится «**Колонна бичевания**». Она заделана деревянным шкафом с отвер-

(*) Или «Соборный Храм Воскресения».

стием и освещается ярким светом внутренней электрической лампочки. Верующим лишь дозволяется прикоснуться к святыне концом палки и поцеловать ее.

Святая Равноапостольная Мария Магдалина, узнающая Воскресшего Спасителя, служит темой красивой над-алтарной картины, трактованной в характерном западно-художественном духе.

Углубляясь в более пустынные места храма, я видела бедные, совсем темные и голые, армянский и коптский приделы. У этих последних в частности, престолом является старый камень, над которым единственная, едва приметная, потускневшая картина; пол из неровно сложенных гранитных плит; в стене проделана темная, невероятно узкая, крутая лесенка, ведущая к их кельям. Трудно поверить, что кто-то способен жить в таком запущенном, неприветливом месте. Как должен пламенно гореть дух, чтобы хлад отчаяния не угасил молитву в подобном убожестве.

С риском обременить описание, упомяну еще подземный придел (пл. IV (12)), где в **«Пещере обретения Св. Животворящего Креста»** — престолы «Св. Равноапостольной Царицы Елены» и «Благоразумного разбойника». Направо от них показывают окошечко (пл. IV (13)), через которое св. Елена, по преданию, «смотрела на работы по откапыванию Креста Господня».

Потрясающее впечатление на всех паломников произвел в приделе, именуемом **«Темничка»** (пл. IV (14)), трагический в своей ужасной простоте камень, — **«Узы Спасителя»**, с высеченными двумя отверстиями, в которые были заключены ноги Христа, пока приготовлялись орудия смертной казни. Общий ужас и отвращение всех паломников перед этой страшной колодой был равен тому, который мы почувствовали при виде тюремной ямы во дворце Каиафы. Он усугублялся удивлением: никто из нас не знал прежде о существовании и полной сохранности этих мест пыток нашего Спасителя.

Лишь мельком упомяну про приделы «**Пресв. Богородицы**», «**Иосифа и Никодима**» (пл. IV (17)), «**Мученика Лонгина-сотника**», «**Разделения риз Господних**» (пл. IV (15)), «**Поругания и Тернового венца**» (пл. IV (16)).

За алтарем церкви Воскресения, хранится в полутемной комнате «**сокровище Храма**». Это подобие большой библиотеки, в которой вместо книг, на полках, неисчислимое множество — мощей, частиц, с любовью вышитых золотом икон и всевозможных подарков.

Сколько вдохновенных речей слышал посох святого проповедника! Сколько благочестивых мышлений скопилось под почерневшим черепом преподобного! Сколько архипастырских благословений раздала засохшая рука древнего святителя!

Здесь надо бы часами изучать надписи и собираться с мыслями, чтобы познать духовную ценность всех окружающих святынь.

Сложность, несвязность, беспорядочность моего описания соответствует сложности, несвязности и беспорядочности всего здания, которое, несмотря на это, производит потрясающее впечатление целости и внутренней гармонии. Его разнообразные стили и украшения, от византийского круглого купола до характерно католической Марии Магдалины, — все сливаются воедино.

Но пришло время упомянуть еще одну печальную особенность: в 1927 году, следуя желанию английского правительства, во избежание грозящей храму опасности обрушиться, перед дверьми были установлены железные подпорки, а внутри он был весь стиснут лесами. Они плотно обнимают его структуру, сужают уже и до того неширокие проходы и все загромождают своими деревянными сооружениями.

Это сплетение стилей, материалов, эпох и культов символизирует разновидность в самой жизни — человеческих личностей, убеждений, вкусов и стремлений.

Все они встречаются и объединяются в том же почитании, в том же святом попечении у единой Кувуклии. Безразлично, подлинны или нет это место, эта пещера и этот мрамор, важно то, что веками они **собирают расточенные**, и во единой любви утоляют вековые, всегда готовые вновь вспыхнуть ненависти.

«На недвижимѣмъ Христе Камени...»

Краткое отступление приведет мой рассказ обратно к первой ночи моего пребывания в Вифании.

Я, как полагается на новом месте, страдала бессонницей. В обители, вследствие нашего приезда, было много шума и разговоров. Я слышала частый лай собак, и изредка дом сотрясался от проезжающего, как я предполагала, автомобиля.

Следующую ночь паломники должны были провести на Гробе Господнем. Во избежание утомления, которое могло отразиться на моих силах, я испросила у отца Архимандрита позволения отдохнуть. В опустевшем доме царила тишина. Я заснула хорошо, но была разбужена сильным и длительным сотрясением моей кровати. Как я ни прислушивалась, никто не проезжал по дороге. Я тогда с ужасом сообразила, что ощущаю землетрясение, что и в первую ночь тревожившие меня содрогания не имели иной причины.

На следующий день я произвела маленькое следствие между моими спутницами. Во время бдения некоторые из них тоже заметили непривычное явление. Л. Е., в частности, была принуждена опереться о колонну, и подумала: «Как я утомлена, что ноги подкашиваются подо мною».

Когда я поведала мои страхи местным обитательницам, они только ухмыльнулись: «Это пустяки! Вот в таком-то году было похуже этого»; тут последовали описания бедствий, произведенных землетрясениями. Третью ночь я еще чувствовала легкие колеба-

ния, но уже привыкнув к ним, снова заснула, и они меня больше не тревожили.

Пережитый мною страх перед необычным явлением природы вылился у меня в священный трепет перед Могуществом Вседержителя и Святой Волей Его, и он же породил во мне соболезнующую любовь к этой избранной Им мученической земле.

Сколько завоеваний претерпела она, сколько крови было на ней пролито. Библия повествует о поголовных истреблениях народов; ассирийцы (588 до Р. Хр.), римляне (63 до Р. Хр.) покоряли ее; в 614 году нашествие персов уничтожило множество монастырей и 60.000 монахов, спасавшихся в них. В дальнейшем течении истории, крестоносцы (1099), сарацины (1187) и турки (1517) обагрили эти бледные камни потоками крови. Еще два года до нашего приезда взрывались бесчисленные снаряды, убивая множество жертв и причиняя неисчислимые разрушения. В самом Иерусалиме мне показали длинный крытый пассаж, где в течение пяти суток арабы и евреи ожесточенно дрались вплотную.

Не довлеет изнуренной каменной почве этих человеческих дрязг, — она еще содрогается от пожирающего ее внутреннего огня.

А бедный храм-мученик! Разодранный, как чадолюбивая мать между ссорящимися детьми, сколько он видит разделений, неладов! Под его святой сенью часто вспыхивают несогласия и раздоры. А неустойчивая земля сотрясает его, грозит ему окончательным разрушением, и он, как в тисках, страдает, обвитый сковавшими его лесами.

Зато земля трепещущая, еще не утратившая своей первобытной жизненности, — земля, где так близок к поверхности покоряющийся Божию велению внутренний огонь, эта земля — страна чудес. Здесь сверхъестественное явление не порождает критического анализа и не встречает скептического сомнения.

Ветхий Завет нам рассказывает об огне, пожравшем Содом и Гоморру (Бытие гл. 19); о неопалимой купине, узренной Моисеем (Исх. гл. 3), о дымящейся горе Синае (Исх. гл. 19), о струях Иорданских, остановивших свое течение по приказанию Иисуса Навина (Иис. Нав. гл. 3), о всесожжении, загоревшемся по молитве Илии Пророка (III Книга Царств гл. 18). Книга Деяний повествует, что место, где были собраны апостолы, поколебалось по их молитве (Деяния гл. 4, 31). Я сама с трепетом смотрела на камень, рассекшийся при смерти Господа! Видела я также рассекшуюся колонну у входа в храм. Вот какова история этого события:

«В те времена (1549 г.) Православная и Армянская « Церкви боролись о первенстве служения при Гробе « Господнем. В Великую Субботу, победившие армяне « совершали литургию внутри храма, а изгнанные « православные молились на наружном дворе. Их горь- « ко плачущий Патриарх воздевал руки к Господу « и открывал перед Ним болезнующее сердце. Но тог- « да, как Кувуклия оставалась мрачная, внешняя ко- « лонна, у двери храма, вдруг раскололась надвое во « всей своей длине, и из нее хлынул «**Благодатный « Огонь**», указывая своим появлением, что Богу приятна « молитва православных и что их священникам надо « предоставить храм».

И поныне ежегодно повторяющееся «Явление Благодатного Огня» многими приписывается чуду.

«В Великую Субботу Святейший Патриарх Иеру- « салимский за пением «*Свѣте тихій*» впускается один « к смертному ложу Спасителя, и молится, чтобы « Господь даровал «*благочестиво къ Нему прикасающимся, « ходить въ Свѣтѣ заповѣдей Его*». В храме лампады ту- « шатся, и воцаряются мрак и тишина. Все с трепетом « ожидают момента первого появления Святого Огня. « Через несколько минут из северного и южного отвер- « стия Кувуклии появляются ярко пылающие, связан- « ные пучками свечи. В одно мгновение свет разливает-

«ся по всему Храму. Каждый держа в своей руке «связки из 33 свечей (*), спешит возжечь их».

Заженные от «Благодатного Огня» неугасимые фонари разносятся по домам, а порою развозятся далеко за море, как это сделали некоторые из наших боголюбивых паломниц. (**)

Страшно неимущим веры жить на этой неустойчивой земле, где камни горят и распадаются. Священный трепет порождается чувством близости Божественного дыхания. Где найдем мы, смертные, слабые люди, крепкую, незыблемую почву?

Ответ является сам собой:

Твердое основание нашей жизни лежит в нашей Православной Церкви и в Ее учениях. Будем неустанно молиться с Преп. Андреем Критским: «*На недвижимѣмъ Христе Камени заповѣдей Твоихъ утверди мое помышленіе*».

Несколько слов о глазах

Попечение о Гробе Господнем поручено греческому «**Братству Гроба Господня**». За столь краткий срок нашего пребывания, мне, конечно, не удалось близко познакомиться ни с работой, ни с бытом «Свято-Гробской братии». Лишь один почтенный монах обменялся со мною несколькими словами по-английски. Мое знакомство с другими ограничилось только учтивыми поклонами и любезными улыбками.

Общее приятное впечатление производит их картинный подбор. До сих пор маленькая Греция все продолжает соблюдать свои античные традиции эстетики. Красивое зрелище представляют все эти монахи с ассирийскими бородами. Еще более красиво их четкое, ясное чтение и пение их громких, ясных, от природы

(*) По числу лет Спасителя.

(**) В 1952 г. от привезенных фонарей на rue Daru была возжена неугасимая лампада.

поставленных голосов. Образ троих из них особенно запомнился мне.

Их молодому диакону не более 17-ти лет. У него под клобуком, подобным черной феске, бледное, еще безбородое лицо. Живые, острые угольки его глаз, за всем следят, все примечают. Волнистые, черные волосы ровной линией подрезаны на плечах. Его лоб и нос представляют греческо-классический, ровный профиль. От съужающейся наверху шапочки и спадающих плечей, до широко развевающихся подола и рукавов его рясы, вся его фигура производит впечатление коническое и соответствует шаловливости его неусмиренной юности.

Двадцатичетырехлетний отец Аверкий, среднего роста, сутуловатый иеромонах, с крупными, добрыми руками. Лицо его как бы поглощено темной с медными переливами бородой, спадающей подобно мелкозавитому руну. Обильные, блестящие, рыжевато-каштановые волосы связаны, как «лошадиный хвост», (*) немного выше затылка. Его недвижимо устремленные в пространство зеленовато-серые глаза, строгость осанки и практикой выработанная, безупречно рассчитанная быстрота движений в совершении богослужения, наводит мне на память слова: «О как прекрасны ноги благовествующих мир».

Третий мой знакомый — уже седеющий иеромонах. У него очень тонкий, острый, приятный нос и развевающаяся веером когда-то черная, ныне же обильно перемешанная с серебряными нитями, борода. Глаза его всю меня озарили лучезарностью своей доброты и благожелательности. Возможность с ним говорить по-английски позволила мне хоть немного прикоснуться к его мысли и быть ею озадаченной. Он мне сказал:

«У Латинян (так греки называют католиков) много

(*) «Queue de cheval» в 1952 г. модная прическа юных парижанок.

людей, много богатств, много роскошных одеяний, но они... не имеют глаз».

Своей странностью и лаконичностью это замечание напомнило мне стиль притчи и требовало истолкования.

Православные служители Гроба Господня, следуя древним, святоотеческим правилам, утончают свою природу бедностью, еженощным бдением, длительностью утомительных служб, строгостью аскетической жизни. Их тяжелыми, постоянными трудами достигается рост внутреннего человека, отражающийся внешне в глазах.

Шаловливые, искристые угольки у юноши диакона уступают место небесной устремленности взора у молодого подвижника и со временем претворяются в лучезарный взгляд зрелого монаха.

Редко встречаются подобные глаза у всегда довольных и куда-то спешащих патеров.

Может быть, мой собеседник хотел, чтобы я его поняла в фигуральном смысле, и подразумевал, что властолюбие и обольщение богатством затемнили духовные очи «Латинян». Они «*очами смотрять и не видять*».

Православное же Братство Гроба Господня, на котором лежит попечение о самой драгоценной христианской святыне, очень бедное. Надо вообразить величину постройки храма и ее сложность. Сейсмические содрогания часто сотрясают ее. Война прошла кругом нее. Было бы не излишне произвести некоторый ремонт, чистку, освежить краски. Но каких фантастических сумм это требует!

«Свято-Гробское Братство» заботится также о рассыпанных по всей Палестине православных монастырях.

Помощь России делу Православия молитвой, работой и денежным пособием была фактором первой важ-

ности, и болезненно ощущается в Палестине удаление ее могущественного влияния. (*)

Практичный и хорошо осведомленный Ф. И. Бокач сказал мне: «Самые полезные пожертвования в Палестине были бы денежные внесения Братству Гроба Господня».

Но этого мало! Всю нашу любовь, всю нашу благодарность, мы должны принести этим смиренным подвижникам, молящимся *«о мирѣ всего міра и о благосостояніи святыхъ Божіихъ Церквей»*, этим далеким братьям, высоко носящим знамя христианской святой бедности. Они к небу возносят взоры своих несмыкающихся очей, пока наши веки отягчены сном. Они еженощно приносят Святую Бескровную Жертву на первом алтаре христианства!

Ночь под сенью Храма

Отслуженная на Трепетной Голгофе вечерня окончилась; духовенство разошлось по кельям, чтобы вкусить краткий отдых. В густеющей ночи богомольцы были предоставлены самим себе. Они обходили святые места с электрическими фонарями, прорезая потемки продолговатым световым конусом, который колебался в ритм шагов. Они клали поклоны, ставили свечи, лобызали мраморные плиты, поочередно входили в Гробовую Пещеру, чтобы, единым прикосновением к Святому Камню, освящать кресты, четки и иконы. Их легкий шорох и шепот их молитвы стушевывались в пространстве. Фантастично сплетенные подпорки, слегка освещенные снизу догорающими свечами и неугасимыми лампадами, утопали под невидимыми сводами, в таинственном море мрака, разлитом над головами.

(*) Я не имела возможности проверить дошедшее до меня сведение о том, что посетивший Иерусалим Патриарх Московский Алексий взял на себя отстройку крыши Храма, погоревшей вследствии бомбардировок последней войны.

Усталость брала свое. Многие уселись по лавочкам вдоль стен и предались своим думам. Некоторые дремали. И мне захотелось отдохнуть перед бдением. Между стеной и громоздким сооружением лесов была широкая скамья. Я отправилась туда полежать. В глубине этого узкого прохода стояла лестница, ведущая к балкончику. Я заметила, что за его перилами юркнула какая-то черная фигурка. Я направила туда луч моего фонаря, но силуэт замер неподвижно, повернувшись ко мне спиной. Я села на свое место. Через несколько минут тихий шорох шагов обозначил передвижение моей соседки, и я во мраке угадала форму спускающуюся по лесенке. Я осветила ее. От неожиданности она покачнулась, но мы сразу узнали друг друга. Это была молоденькая гречаночка, монашенка из «Монастыря Встречи». Ее худощавое, слишком длинное, чтобы быть красивым, лицо, прелестно своей живой выразительностью и лаской улыбки. Детски маленькая, хрупкая, тоненькая фигура, несоответствующая ее 27-ми годам, сохранила детскую застенчивость, веселость и подвижность. За несколько встреч мы привязались друг к дружке и породнились, пережив вместе опасности возвращения из Вифлеема. Теперь, в неожиданности этой встречи, я обрадовалась ей, как родной дочери. Ее же восторг был неописуем. Она вся прильнула ко мне, закрыв лицо руками, и долго содрагалась от беззвучного смеха. Она была напугана моей лампочкой, а теперь так довольна, узнав меня.

Милая быстротрепещущая ласточка! Когда я вспоминаю ее живое мимическое объяснение, ее худощавые ручонки так и мелькают передо мною, и я вижу в бледном, радостном лице, освещенном боковым светом моего фонаря, ее любящие глаза. Грандиозный Храм Иерусалимский, величественная, торжественная обстановка, где духовно богатые приносят свои парящие молитвы, от моей немощи, от моей мелкой, низменной природы, примите ту лепту, которая

соответствует моей скудости, — искру материнской любви к этой доверчиво прячущейся на моем плече смеющейся дикарочке.

Мы сговорились, что будем здесь ожидать богослужения. Невероятно скоро пролетели эти два-три часа забытья. Нервный подъем, бой четвертей, твердость ложа и какие-то насекомые не давали мне заснуть. Но я не жалела о том. Мне было радостно ощущать равномерно дышущее спящее присутствие моей соседки. Радостно со всей нашей сплоченной паломнической семьей ждать литургии и радостно просто **быть тут**.

Когда пробило одиннадцать, начались приготовления. Один за другим, с разных сторон, подали голос будильники; опускающиеся для туалета и поднимающиеся с обновленными фитилями лампады зазвенели своими медными цепями; где-то забряцали бубенчики, и, в довершение всего, кто-то оглушительно «забил в доску».

Над камнем «Средоточия земли» зажгли лампочку, которая светила как будто сквозь туман, и в Кафоликоне началась полуношница, в естественной для нее растерянной, полусонной обстановке. Как мне было жаль только-что проснувшегося, читающего отца Аверкия, его напряженно открытых глаз, его неоткашлявшегося голоса, его неловких рук, которые поправляли плохо застегнутую пуговицу ворота. Но воля не замедлила взять верх над телом. Бисерно-скоро прочитав эту краткую службу, он вполне овладел собою и своим стремительным шагом исчез во мраке алтаря. Появились шесть монахов разных возрастов и поднялись на два высоких, удобных, освещенных клироса.

Красивыми ясными греческими голосами, подходящими к певучему греческому языку, началась утреня. Я внимательно прислушивалась и старалась следить за службой. В быстром течении их слов, я некоторые замечала. «Серафим», «Триас» понимались сами собой. «Агиос» — это «святой», думала я. «Пневма»-

«Дух», «Асинкритон» — «без сравнения». Далее я опознала: «Макарии» — «Блаженны», «имос» — «нас» и «Докса» — «Слава».

Ведь Отец Феодосий говорил: «*Два месяца ти бил тут, — потом два месяца ти понимает все хорошо гречески!*» Я тоже чувствую, что через два месяца я бы понимала все.

От усталости трудно обуздать распущенные мысли. Вспоминается увлекательное преподавание Николая Карловича. (*) Вижу, как архимандрит Мефодий вошел в алтарь приготавливаться к литургии; как несколько паломников поочередно отправляются к нему на исповедь.

Худая, согбенная иерусалимская знакомая, с конспиративным шепотом сует мне пакет для передачи в Париже.

Отец Аверкий в голубой ризе, с недвижимо устремленным, лунатическим взглядом, скользя, летает с кадилом по огромному кораблю храма.

Из соседнего католического придела доносятся отголоски григорианского пения.

Чувства все обострены. Каждый пустяк ярко отпечатывается в памяти.

Помнится и маленький переполох, происшедший в безупречно гладкой утрени, где перемена тонов, поочередное пение тропарей и ирмосов доведены до совершенства. Древний заслуженный монах уставщик, который старчески тихим, выразительным голосом прочитал шестопсалмие, ударяя с выпеванием на излюбленные ему слова, принял во внимание присутствие паломников, не освоившихся с привычкой ночных бдений, и решил сократить чтение. После первой кафизмы он приказал чтецу на противоположном клиросе пропустить вторую.

(*) Н. К. Кульман — профессор филологии, родной отец архимандрита Мефодия.

Трудно себе представить какое потрясение произвело столь незначительное отступление от заведенных порядков. Все монахи переглянулись. Некоторые перешептались. Замешательство длилось всего лишь две-три секунды, но я успела почувствовать, как непоколебимо они привязаны к своим правилам, к своему уставу, в исполнении которого заключается вся их наука, вся их работа, все их искусство.

Наверно, много и долго будут еще толковать среди Свято-Гробской братии об этой пропущенной кафизме.

Литургия у Гроба Господня

В ночь с воскресенья на понедельник, отец Архимандрит повез паломников на бдение в **Лавру Саввы Преосвященного.** (*)

Отец П. отказался от поездки в древнейший из Палестинских монастырей, чтобы отправиться во главе осиротелых женщин в Иерусалим. С вечера он начал свои молитвенные труды общей панихидой, отслуженной у Гроба Господня. Никогда я не слышала такого длинного и ясного чтения поминальных записок. Помню, как я устала стоять на коленях у входа в пещеру и, опасаясь за свои больные суставы, прислонилась к уголочку стены. Сколько я пережила тут! «Общая» — не являлось пустым словом; у смертного ложа Воскресшего Христа ясно ощущалось объединение сонма умерших с молящимися живыми. Затем последовало бдение: отслуженные в Храме Воскресения полунощница и долгая полная утреня, по завершении которых малочисленные священнослужители и миряне перешли в Ротонду, перед Святой Кувуклией.

Отцу П. трудно было скрыть волнение и глубокое переживание своей первой литургии в этой необычайной обстановке.

(*) Женщины не допускаются в эту древнюю обитель.

Н. В. и я стояли около песочного подсвечника. Мы пели вдвоем, и нашим дискантам отвечали своды.

В глубине Кувуклии светился узкий вход пещеры, откуда по временам доносились заглушенные возгласы священника.

На фоне темного пространства вырисовывался освещенный классический профиль дьякона-ребенка, который то и дело с любопытством поглядывал на нас.

Хлопотливая просвирня шептала мне на ухо ненужные мне указания. Все остальное было лишь мрак и тишина. Всецело занятая своим делом, я забыла все стоящее вне нашего светового круга, я не видела молящихся паломников и совершенно не ощущала времени.

Эта скромная, будничная, рядовая литургия меня удовлетворила вполне. А отец П. все остальное время путешествия со вздохом восторгался: «Ах, помните, как было хорошо ночью у Гроба Господня!»

В три часа богослужение уже кончилось. До четырех, — когда откроют двери, оставалось еще долго ждать, и греки нас пригласили к себе. В их длинной полутемной трапезной мы уселись за каменный стол.

Где-то шипел примус, и вскоре появился удивительно крепкий и как нигде сладкий кофе в обычных крошечных, с наперсток, чашечках. Хотя глотнуть вторую и было весьма соблазнительно, но я от нее воздержалась, желая заснуть по возвращении, и была вознаграждена целительным утренним сном.

Жестокий урок смирения

Если бы не крайняя правдивость и откровенность моего рассказа, лучше бы не вспоминать вторую ночь, проведенную мною в Иерусалиме, — со вторника на среду.

Последовавшая за бдением литургия совершалась, как это принято в постные дни, на Трепетной Голгофе.

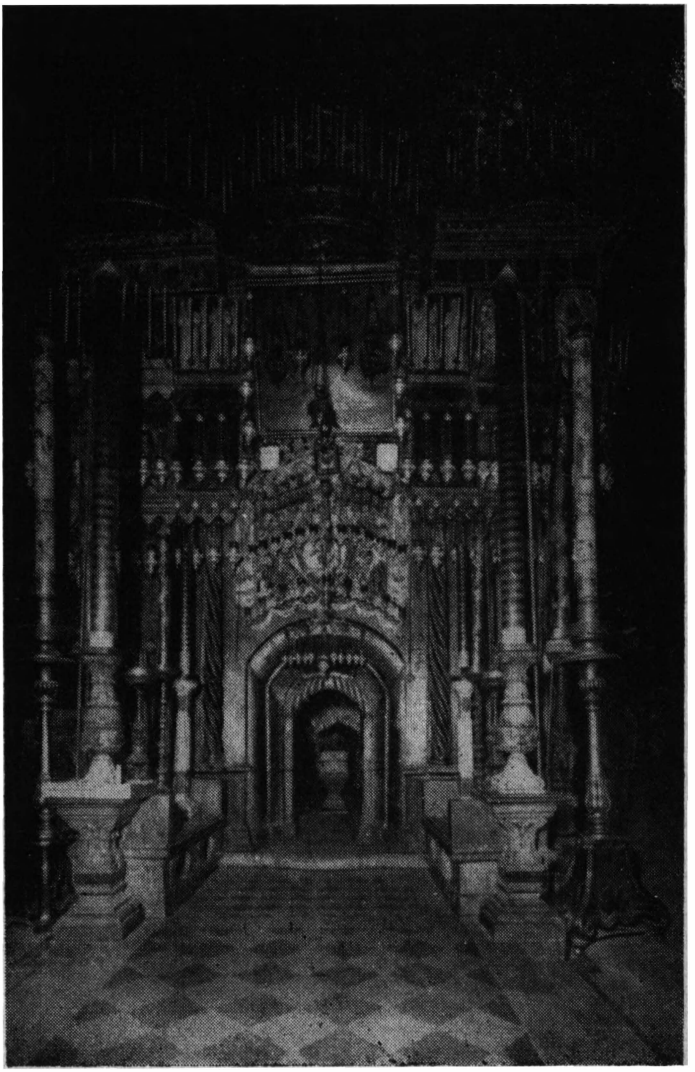


Рис. 30 — **Кувуклия**

Клише «Вѣчное»

Порядок перехода из Храма Воскресения в этом случае изменен: священнослужители поднимаются по лестнице внутри алтаря, а миряне пользуются тремя другими существующими проходами.

В ярко освещенном неисчислимыми свечами и лампадами приделе, Святые Дары приносил в эту ночь греческий Митрополит. Отец Мефодий сослужил ему, с двумя другими архимандритами. Собралось около десяти иереев, иеромонахов и порядочно народу, помимо нашей паломнической группы. Как предпочла бы я, чтобы никого не было!

В бытность свою в Розэ, отец Димитрий (Егоров) мне всегда отвечал, когда я каялась в плохом пении: «Смиряйтесь!» Никогда его мудрый совет не был мне так полезен, как на этой памятной литургии.

Все наши лучшие певческие силы выбыли из хорового строя по причине простуды, усталости или говения. Мне не удалось ни минутки заснуть за истекшие сутки, и, от переутомления, у меня горло отказывалось работать. Милая Н. В. делала все, что могла, чтобы спасти положение. Вдобавок, появившиеся две Елеонские сестры внесли в наши напевы свои варианты. Получился великий соблазн.

Как тяжко вспомнить надорванные от усталости голоса, невозможность уловить тон в греческих возгласах, путаницу в ответах, неизбежную, вялую, затянутую, всем надоевшую старо-симоновскую Херувимскую, иронические взгляды молодого дьякона, знатока.

Это было бы еще терпимо в обыденной приходской обстановке, где «смиряться» молящимся приходится часто. Но тут, на ярко освещенной Святой Голгофе, за архиерейской службой, в присутствии трех архимандритов, множества духовных и мирян, тут, где мы хотели бы дать свое самое лучшее, — мы смогли только принести это недостойное убожество. От моего горького переживания я больше ничего не соображала, мне даже не приходило на ум, что я могла бы сесть.

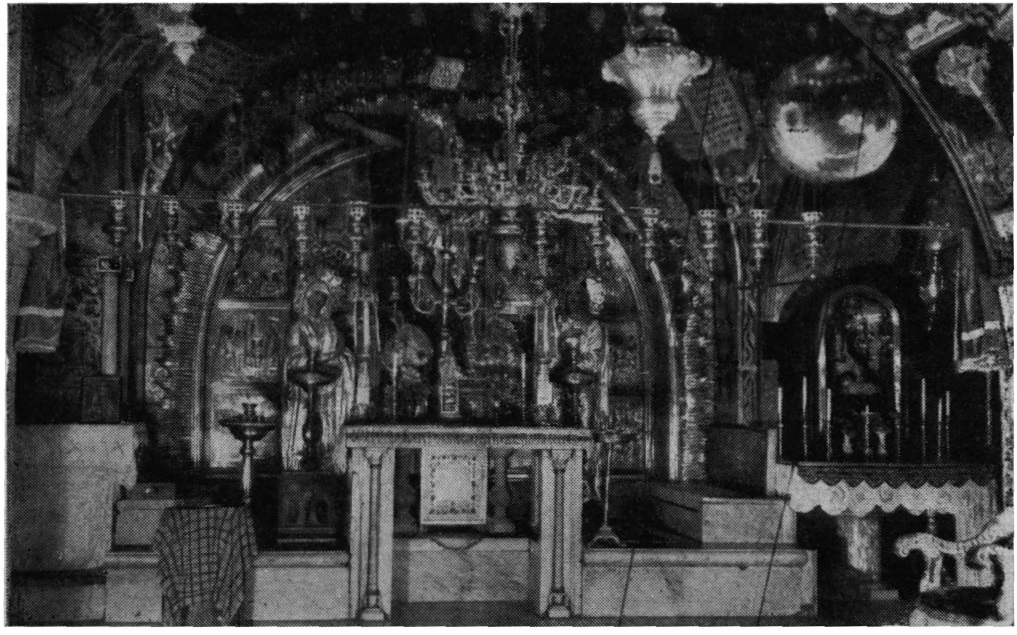


Рис. 31 — **Голгофа**

Клише «Вѣчное»

Добрый А. А. «Бельгийский», который в течение всей поездки истинно по-христиански заботился о моих больных ногах понял, что я изнемогаю, и сочувственно достал и пододвинул мне какую-то скамеечку. Спасибо ему за его участие ко мне, пока я так тяжко переживала свою слабость и свое унижение. Его братскую услугу в эти горькие минуты смущения я никогда не забуду.

Во время остального путешествия снисходительный отец Мефодий, нежелавший меня огорчать, а вместе с тем справедливый, несколько раз вспоминал мучащий меня позор, мягкими словами: «А на Голгофе хор пел неважно!»

Прощай Святой Град Иерусалим

По случаю Архиерейской службы, двери храма в эту ночь были открыты с одиннадцати часов. По окончании литургии, Митрополит начал заказную панихиду, а паломники стали спускаться и поджидали общего сбора около «Камня Помазания». Все были счастливы после торжественного события: причастия на Святой Голгофе.

Когда мы вышли, стояла еще ночь. На пустынных, спящих улицах, желтые круги редких тусклых фонарей чередовались с голубыми лунными пятнами. Порою, на ступеньках, нам приходилось прибегать к нашим карманным лампочкам.

В моих ушах еще звучали отголоски только что слышанной греческой панихиды. По мере того, как мы удалялись от храма, все громче мне снова чудилось такое же пение. Я прислушивалась и не понимала, бред ли это, или на яву я слышу среди ночи высокий теноровый голос, выводящий восточную мелодию.

Тут кто-то из группы пояснил, что магометанам предписано пять молитвенных правил в сутки. Я вспомнила, что, стоя на Сирийской границе, мне уже приш-

лось удивиться набожности арабов: был урочный час солнечного заката, и они, не смущаясь обстановкой, твердостью каменистой почвы, присутствием таможенных чиновников и иностранных путешественников, выходили из своих автомобилей, удалялись на десяток шагов от дороги, растилали между кустарниками коврик и очень прилежно, стоя на коленях, кланялись в сторону Мекки.

Ночью их заслуга еще бо́льшая: мусульманам полагается перебивать свой сон и совершать ритуал омовения прежде чем стать на молитву. Мы шли по улице Святого Стефана, вдоль «Харам-эл-Шериф'»а, и голос, который я слышала, доносился из минарета, откуда поющий муэдзин будил верных на четырехчасовое правило.

Последовала посадка на автокар. Мы покинули Святой Град, унося, как последнее впечатление, арабские грациозно-вычурные хроматизмы.

X. ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

По знакомым местам

В среду мы выехали рано.

Архимандрит Димитрий не захотел нас отпустить, не отслужив нам напутственного молебна, который состоялся в 5½ часов утра, в переполненном народом Вифаниевском храме, при наличии всех паломников, их друзей и обитателей Вифании.

Мы двинулись обратно к Иерихону.

Дорогóй мне Иордан мы снова перешли пешком по мосту, с пением тропаря. За пепельной пустыней, все также удивляющей меня, мы встретили опять горную цепь, по которой стали подниматься к Амману. Первый раз мы эти места проезжали ночью. Теперь же я к своему удовольствию видела, что тут, благодаря потоку и ирригационным сооружениям, имеются хорошие сады и огороды. Среди этой местности стоит богатый, быстро разростающийся город Амман (пл. II (3)).

Столица Иордании расположилась в горном ущельи. Проездом мы в ней успели познакомиться с гостиницей «Pensylvania», где зеркальная галерея, глубокие кресла, полированные столики и расписание воздухоплавательных линий, — а также с большой автокарной станцией, похожей на парижские автобусные депо. Мы увидели широкий проспект с недавно посаженными молодыми деревьями и, на крутых склонах, повсюду строющиеся из местного бледного камня дома. У меня создалось впечатление, что этот город выиграл от политических событий последних годов и стремится попасть в ряд современных столиц.

Некоторые итоги бытового характера

До Дамаска нам предстояло еще 200 километров и одна граница, на которой в этот раз нас задержали не дольше часа. Смотря на разрезающую пустыню шоссейную дорогу, я пробовала подвести итог тех поверхностных впечатлений бытового характера, которые я уносила из Иордании.

В этой стране веет патриархальностью. Тогда как передовые соседи — сирийцы и израильтяне, стараются достигнуть у себя американо-европейского уровня, здесь, наоборот, наш технический, материальный прогресс тормозится. Зато обилие монастырей, большой процент людей, подчиняющих свою жизнь духовным началам, отражаются на характере жителей, которые серьезны, не имеют шутливой настроенности, обычной в латинских странах, и сохраняют строгость нравов. Здесь не приходится перелистывать модных журналов, — обычай требует носить народный костюм, ни встречать гуляющих парочек, — мужчины и женщины всегда ходят отдельно. Во всей стране я видела лишь 2-3 кинематографа и то вблизи военных лагерей, и, очевидно, рассчитанных на увеселение солдат.

Несколько раз мне пришлось видеть работающих детей. На постройке мальчик лет 10-ти складывал мозаику. Дети — приказчики в лавках, дети — подмастерья у гладильщиков, портных и пекарей, — постоянное явление. А детский обычай просить «бакшиш», не является ли выгодной и легкой работой?

За всю поездку мне не пришлось видеть царящего во Франции «Vin de table». Паломнику, попросившему за столом на «Esperia» стакан красного вина, в нем отказали. В Малой Азии его не найти. Благодаря ничего не жалеющей рекламе, жаркому климату и отсутствию воды, американский «coca-cola» проник повсюду.

Радиоприемников в Иордании я не слышала. Во время нашего пребывания состоялся, как я упомянула, четырехдневный мусульманский праздник «Айд-эл-Кебир»; и арабы усердно веселились в ближайшей харчевне. К нам доносилось пение мальчишеского голоса, под стук барабана, и повторение на гнусавой дудочке все той же самой мелодии.

Печальное явление — обилие слепых. Священные писания испещрены повествованиями о них. В наши времена их продолжает быть очень много. Вспомним хотя бы тех, которым матушке Марфе пришлось, скрепя сердце, отказать в работе, или тех, которые проходили мимо нас в Хевроне. Пока мы ехали в быстро катящемся автокаре, ветер пустыни и яркий свет больно резали мои глаза. И я подумала, — не вихрь ли, который налетает каждый вечер и, поднимая пыль, песок и даже мелкие камушки, ранит роговую оболочку, не безжалостное ли солнце, с его отблеском на желтоватых, раскаленных горах, которое своей нестерпимой яркостью вредит клетчатке, — играют роль в этих глазных заболеваниях.

Меня очень поразило отсутствие газет и примитивная организация почты. Наши монастыри, желающие иметь сношение с заграницей, нанимают **«почтовый ящик»** и сами берут свою переписку. Каким образом письма доставляются отдельным лицам, не имеющим такого «Вох»'а, я так и не успела выяснить. Факт тот, что я ни разу не встретила почтальона. Положение вещей принуждает население сохранять античный способ «пантофельной почты». Буквальная точность, с которой исполняются: «Передайте», «Завезите», «Расскажите», помогли мне оценить **верность «устных преданий»**. Европейцы, за пять веков пользования печатью, привыкли все важное доверять бумаге. В Палестине же все выдающиеся события, все достопримечательные имена и изречения, свято хранятся в безупречной памяти и передаются устно. Не эта ли

особенность местного народа **позволила сохранить**, несмотря на разрушения и на недостаток письменной документации, точную и полную **топографическую картину тех мест, о которых повествует Священная История.**

Здесь пахнет керосином

Продолжая путь через пустыню, мы встречаем указательный столб, который наводит нас на размышление.

Существует допотопная железная дорога от Бейрута до Аммана. По ней поезд проходит каждые 2-3 дня, и ею туристы не пользуются. От Яффы (пл. II (23)) до Иерусалима можно доехать в 4 часа по другой линии. Но она, находясь в Израильской зоне, недоступна для нас.

Излюбленным способом сообщения являются автокары. Они служат и на короткие расстояния, их используют и на длинные рейсы через пустыню. Пользование ими так вошло в жизнь, что стоящие на нашей дороге арабы постоянно нам делали знаки «auto-stop». Мне кажется, они катаются от праздности, любопытства ради, и по природному вкусу. Нельзя ли видеть в готовности всегда кому-нибудь сопутствовать пережиток древних обычаев, отголосок которых мы слышим в Евангельском изречении: «Кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два» (Матф. 5, 41). Был случай, когда по извилистой дороге, при замедлении на повороте к нам прыгнул араб, чтобы также живо спрыгнуть на следующем повороте через 50 шагов. Был случай, когда такой временный спутник попросил шофера остановиться, завидев идущий в обратном направлении автокар, с намерением воспользоваться им для возвращения.

Но вернемся к указательному столбу, стоящему у разветвления дорог посреди пустыни. На нем я успела прочесть: Дамаск — 100 килом., Амман — 130 кил., и

Багдад... — 1000 килом. Эти умопомрачительные цифры говорят сами за себя. Там, где еще недавно передвижение на верблюдах продолжалось неделями и было сопряжено с бесчисленными трудностями и опасностями, ныне можно, стоя под указательным столбом среди пустыни, поджидать прохода автокара, в одном из этих направлений, с такой же уверенностью и безопасностью, как мы под желтым диском на Place de l'Opéra ждем автобуса № 68 или 95.

Современный «Корабль пустыни» мы встретили немного далее; это автокар «Пульман», состоящий из двух сцепленных вагонов — для пассажиров и для багажа. Его мощная структура, его восьмицилиндровый мотор позволяет безбоязненно пускаться в тысячикилометровое сухопутное плавание по безводной, безлюдной Аравии.

Не приходится удивляться быстрому и блестящему возростанию автомобильного движения, если принять во внимание близость богатейших нефтяных источников и дешевизну бензина.

Город друзей

Был уже вечер, когда мы приехали в Дамаск. Не легкое дело выпало Е. И. в незнакомом городе заботиться о приискании питания и ночлега на 28 человек. И то, и другое снова взял на себя Святейший Патриарх Антиохийский. Он велел нас накормить и распределить по комфортабельным гостиницам. Я попала с двенадцатью другими в «Hôtel Normandie».

Тут, за обильной закуской, многое выяснилось для меня из спича, который отец архимандрит Александр, крупный, красивый араб, секретарь его Блаженства, произнес на чистейшем русском языке:

«Мы, православные сиро-арабы, — сказал он, — « духовные лица и миряне, всегда любили, любим и « будем любить русский народ, видя в нем своего бла-

« годетеля, покровителя и старшего во Христе брата.
« Мы считаем себя в неоплатном долгу перед русским
« народом за неоценимую духовно-культурную и ма-
« териальную помощь, оказанную им нам на протя-
« жении многих веков. Как же мы можем забыть, что
« до 1914 г. вся наша страна (Сирия, Ливан и Пале-
« стина) была покрыта густой сетью первоначальных
« школ, содержавшихся на средства **Русского Пале-
« стинского Общества.** (*) В этих школах не только уче-
« ние было бесплатным, но даже учебники и учебные
« принадлежности выдавались бедным детям безвоз-
« мездно. Кроме того, в г. г. Назарете (пл. II (22)) и
« Бет-Жала (**) (в Палестине) тем же Обществом со-
« держались две учительских семинарии по подготов-
« ке учительских кадров для обслуживания сети пер-
« воначальных школ. В своих дальнейших заботах о
« преподавательских кадрах для названных семинарий
« вышеупомянутое Общество ежегодно посылало в Рос-
« сию 2-3 самых способных семинаристов для продол-
« жения ими своего образования в русских духовных
« средних и высших учебных заведениях. Среди иерар-
« хов нашей Антиохийской Церкви имеются 2 Митро-
« полита с законченным высшим духовным образо-
« ванием в России.

«За все эти благодеяния, не говоря о других видах
« как моральной, так и материальной помощи, и неиз-
« менное покровительство мы любим русский народ
« и его Православную Церковь, и эту нашу любовь
« постоянно и безразлично стараемся перенести на каж-
« дого русского, с которым нам приходится встречаться.

« Вот почему я говорю вам на вашем же родном
« языке и от глубины всей души: «Добро пожаловать
« дорогие братья и сестры».

(*) «Русское Императорское Православное Палестинское Общество», основанное в 1882 году.

(**) Недалеко от Вифлеема.

Выслушав содержательную речь гостеприимного Архимандрита, я поняла, почему на Ближнем Востоке, от Святейшего Патриарха Антиохийского до последнего старого нищего в Иерусалиме, так много арабов говорящих по-русски. Поняла, почему, когда тесная толпа обступала нас и на лицах мы читали угрожающую враждебность, узнав, что мы русские, — все арабы с удивлением переглядывались, между ними пролетало слово «Москов! Москов!» и они отступали. Поняла я, почему мы часто имели дело с православными чиновниками. Они нам дружески улыбались, подходили под благословение нашего батюшки. Благодаря им, нас пустили поклониться гробницам патриархов, тогда как для французской группы паломников, организованной «Centre Richelieu», Хевронская мечеть оказалась недоступной.

С оскудением Православия в России, пала вся прочно сооруженная миссионерская организация, описанная секретарем Блаженнейшего Патриарха, и арабский мир болезненно ощущает его отсутствие. Высшие чины старой формации стоят на страже. В народе сохранилась привязанность к России. Но ряды кадрового духовенства редеют, и окружающие религии угрожающе расширяют свое влияние.

Если бы мог архимандрит Александр знать, как мы желаем, чтобы наше паломничество явилось вестником нового расцвета Православия. Чтобы вновь укрепились узы дружбы и взаимного понимания между арабским миром и русскими людьми.

Разочарования туриста

В современной Сирии, стремящейся к материальному прогрессу, заботы о духовных ценностях отходят на второй план.

Лиц, которые путешествуют ради удовольствия и в целях искания местного колорита, здесь ожидают

одни разочарования. На пограничной станции в Дера (пл. II (2)) вместо пастушьего рожка воздух сотрясает оглушительный вопль радиоприемника, передающего пошлые мелодии. Турист мечтает увидеть погруженный в свое сказочное прошлое древний город... Новое разочарование: Дамаск его встречает неоновыми вывесками, яркими кинематографическими афишами, назойливыми рекламами и улицами, туго набитыми пешеходами, трамваями и автомобилями.

А юная, сентиментальная туристка, сидя приятным вечерком на террасе, услышав зов муэдзина, встрепенется и напряжет свое внимание. Но пусть она не восторгается его мелодичным пением: в этой прогрессивной стране зов к молитве исполняется...граммофонной пластинкой!

Вся наша компания была снова в сборе до восхода солнца, чтобы осмотреть достопримечательности Дамаска. Всем было известно, что здесь находится **«жилище Анании»**, который исцелил слепоту Савла, **«окно в стене»**, из которого преследуемого Апостола спустили на веревке, ну и знаменитые «Мечеть» и «Сук».

Но наш шофер был современный сириец. Он пренебрегал памятниками старины и повез нас кататься по новым кварталам. Мы увидели широкие, прямолинейные, засаженные деревьями улицы, взрытые участки, где строятся новые дома, только что законченное здание гимназии, дворец правительства и гордость Дамаска — проспект богатых особняков сирийских банкиров: «Абурумана».

Читатель поймет мое огорчение! Я мечтала вкусить очарования «Тысячи и одной ночи», а нас катали по «Миами». Я ворчала и искренно сожалела, что так рано покинула в «Hôtel Normandie» удобную кровать. Сон, что я вкусила в ней, хотя и краткий, но крепкий, глубокий и без сновидений, — мое лучшее воспоминание о Дамаске!

XI. ЕГИПЕТ

Мы покидаем Малую Азию

Не хочу надоедать читателю рассказом о тех четырех часах, в течение которых мы в этот раз парились на Ливанской границе, только поклонюсь достопамятному терпению и невозмутимости духа моих спутников и Е. И. , секретарши паломничества, которой приходилось перед пограничными чиновниками отстаивать наши права на транзит.

Далее последовал Бейрут, где нас опять накормили гостеприимные русские, и где, завидев в порту горделиво белеющую «Esperia», мы ей обрадовались, как чему-то родному.

Слезливые арабские прощания проводили нас в 6 часов вечера, а утром мы проснулись недалеко от Египта.

С интересом мы наблюдали общеизвестное из географии явление. Теплые мутные воды Нила далеко заносятся течением на поверхности моря, не смешиваясь с ним, и вдруг обрываются ровной, граничной линией, разделяя его на синюю и желтую область.

Каир

Мы причалили около полудня. Шестнадцать человек из нашей группы собирались осмотреть Каир и пирамиды, но обычные паспортные затруднения не выпустили нас во-время к четырехчасовому поезду. Я думала, что из-за опоздания сорвалась и наша экскурсия. Но оказалось, что между столицей и отстоящим на 200 километров от нее портом сообщения такие же легкие, удобные и частые, как между Парижем

и Версалем. Мы сели в следующий поезд, и он нас повез через густо населенные, бесконечно простирающиеся окрестности Александрии. Далее роскошные виллы и жилые дома стали редеть и заменяться плоскими, сырыми, зеленеющими полями с раскинутыми по местам земляными лачугами, ярко подчеркивающими ту пропасть, которая в этой стране разделяет умопомрачительное богатство и плодящуюся и размножающуюся нищету.

В Каире, как и в Дамаске, мы провели лишь те часы, когда мечети и «сук»'и закрыты, но я скоро поняла, что мне об этом нечего жалеть.

Этот **центр всего арабского мира**, слабым отблеском которого являются встреченные нами на пути большие города — Бейрут, Дамаск, Амман, — весь устремленный к материальному прогрессу, **стал спиной к прошлому и воспринял** технические достижения, лихорадочную активность и **образ жизни передовых держав, чтобы легче освободиться от своей зависимости от них.**

При обильно разлитом освещении я увидела спрессованную гущу автомобильного и пешеходного движения на вокзальной площади, двадцатиэтажные небоскребы вдоль бесконечно простирающихся улиц, потоки трехмиллионной космополитной толпы, в которой преобладает тип высокого египтянина в феске или тюрбане, скоро и широко передвигающего циркули своих обрисовывающихся под длинным полосатым платьем ног.

Сколько раз мне пришлось вскрикнуть от испуга, прежде чем наш ошалелый шофер привез нас, наконец, полным ходом, среди этой сутолоки, сто крат рискуя опрокинуть прохожего или столкнуться с проезжим, к первоклассной гостинице, где мы получили хорошие комнаты. Рабочим рукам здесь грош цена, и в table-d'hôte, чтобы подать ужин нашей скромной группе, до 10 часов вечера специально ждало четыре лакея,

Загадка сфинкса

В 7 часов утра мы, попив чаю, уже погрузились на поданные такси.

Мы проехали мимо законченных прекрасных построек американского масштаба. То были какой-то факультет, больница и гигантское нагромождение террас и окон какого-то министерства. Знаменитый Каирский зоологический парк, покрывающий площадь целой провинции, привлек наше внимание. Пятнадцать верст миновали совсем незаметно.

Если я и удивилась легкости, эфирности и туманной розоватости как будто бы воздушных пирамид, внезапно выглянувших из-за посаженных вдоль проспекта эвкалиптов, к их грандиозности меня уже приготовило все то, что меня поразило в этом неизмеримом Египте: здесь люди рослые, порт простирается на 30 килом., дома — небоскребы, здания министерств своей формой, структурой, цветом и размером напоминают славные памятники самой далекой древности.

Под опекой гида наши путешественники предались классическим туристическим увеселениям. Залезали по выдолбленным в гранитных глыбах ступеням на вышину второго этажа, где отверстие в виде пещеры является входом во внутреннюю галерею, ведущую к зале саркофагов. Некоторые скоро выходили обратно, жалуясь на схватившее их внезапно «сверхъестественное удушье». Любители снимать фотографировали любителей сниматься в авантажных позах: взгроможденным на верблюда или верхом на пузатом осле, с висящими по его бокам ногами.

Потом, собравшись за гидом, мы пошли удивляться массивности откопанных в древнем храме колонн и отгадывать таинственную загадку сфинкса.

Но меня не могут увлечь ни достижения техники, величественные небоскребы и социальные перевороты современного Египта, — ни бездушный истукан, че-

трехугольные горы и обольщение ложных философских религий древности. Все это находится в ином плане, и я смотрю на это с забавой, как на игрушки для туристов.

Мое внутреннее внимание обращено к словам Апостола:

«Где мудрец? Где книжник? Где совопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие?» (I Кор. 1, 20).

Перед всем этим уничтожающим величием, в моей памяти рисуется маленькая Вифлеемская пещера и отверстие на вершине Голгофы, где был некогда водружен один совсем особенный Крест!

На корабле пустыни

В девять часов, согласно указаниям гида, мы собрались в версте от пирамид, на углу двух дорог, где останавливаются «**Пульманы**». Приехавший точно по расписанию автокар своим удобством не уступает своему железнодорожному теске. Ввиду жаркого климата, окна небольшие и снабжены шторами. Обмен воздуха предусмотрен с таким рассчетом, чтобы внутри сохранялась приятная температура, несмотря на окружающую раскаленность. Мягкие, индивидуальные кресла широко расставлены. Обычного моторного гула не слышно, благодаря каучуковым коврам. Никелированный блеск металлических частей создает для глаза иллюзию свежести. Цели конструкции этого болида такие же, какие желательны в будущем для междупланетарных сообщений: быстрота, комфорт, изолированность от внешней стихии.

Дорога, по которой мы поехали, на расстоянии 10-ти верст служит границей между богатыми оазисами дельты Нила и пустыней. Потом растительность под углом поворачивается направо, покидает шоссе, удаляется к горизонту, все суживаясь. Наконец ее

тонкая линия совершенно исчезает, и мы на три часа предоставлены пескам, по которым должны покрыть расстояние в 200 килом.

Порою пространство было совершенно плоское, порою представляло застывшие волны. То совсем оголенное, то заросшее редкими мелкими колючками, между которыми паслись на свободе верблюды, выщипывая себе какой-то съедобный мох.

Равномерная езда действовала успокоительно, а на многих даже снотворно. Мне служило развлечением наблюдение за смерчами. Они образовывались на глазах из вьющегося праха, передвигались, танцуя, как балерины, удалялись в песчаную даль и снова распадались в прах.

Порою за складкой песка, на горизонте необозримой пустыни, блестело далекое, обширное озеро. Голубая вода, трепетно колеблющая серебристые нити, отражала небосклон и обманчиво привлекала своей ложной свежестью. Это был мираж.

Местами более или менее густой слой навеянного песка заволакивал шоссе. Отряды рабочих туземцев метлами и лопатами освобождали хрупкое человеческое сооружение, которое без постоянного ухода было бы скоро стерто с лица пустыни.

На полдороге — отдых. Как порт у моря, стоит отель с маяком. Тут можно купить бензин, размять ноги, умыть руки, утолить жажду.

После обширного соленого бассейна, мы достигли Александрии и проехали ее во всю длину, прежде чем попасть на ожидавшую нас «Esperia».

Погрузка, обед в милом пароходном ресторане, привычные дорогие лица, пение служб — стерли Египет. Он — где-то позади и не оставил на душе отпечатка своих гигантских достижений.

Конец путешествия

Я была крайне переутомлена, плохо спала и чувствовала себя неважно. Благодаря ходатайству Е. И. меня поместили одной в каюте, и я была счастлива возможности отдохнуть.

Несколько паломниц взяли на себя труд опекать хрупкую жизнь Благодатного Огня. Эти новые весталки пожертвовали поездкой в Египет, вставали по нескольку раз в ночь, чтобы чистить фитили, в жаркую погоду и при запахе горящего масла лишали себя сквозняка. Да получат они за свои старания и труды заслуженную награду, и да простят они мне, что в этом подвиге, как и во многих других, я, будучи слабее и немощнее, отстала от них.

Я же, в одиночестве своей каюты, чувствовала, что во мне начинал теплиться другой огонек: это была искра желания поделиться при помощи пера всем тем, что накопилось за эти три недели с неисчислимыми братьями, которые не имели такого счастья, какое выпало мне... Созревал план, делились главы, слышались отрывки фраз. А добрый Архимандрит поощрял меня:

«Пишите, Людмила Александровна? Ну, пишите, пишите!

Что же было далее?

Бриндизи — спокойный милый городок. Между его олеандрами мы нашли самую приятную за все путешествие температуру. Как сказочно должно быть провести осень в Бриндизи!

Венеция... Тут мы окончательно распрощались с «Esperia». Нам предстояло 15-часовое ожидание поезда, и мы, оставив багажи на вокзале, рассеялись по городу, бегали по узеньким переулкам, переходили по лестницам мостиков — не хотелось упустить ни единой минутки.

Однако, к вечеру усталость нас одолела.

Кто-то сказал:

«А если бы нам вернуться домой?»

Он этим выразил общее желание.

Но «дома»-то у нас не было. Милая «Esperia» давно ушла по направлению к Триесту. Поезд подавался лишь за час до отъезда. Наш «дом» был там, где под охраной нескольких паломниц, стоял наш багаж. И мы вернулись на вокзал.

Милан... Все его музеи еще спали, когда мы в ранний утренний час спустились по монументальной лестнице вокзала. Но открытые церкви уже ждали богомольцев.

Я повела матушку Д. и Н. наскоро осмотреть кружевной Дуомо, перед которым облако летающих голубей оживляло широкую площадь. Рака святого Карла Борромейского находится в подземной крипте, где одинокий священник совершал мессу. А посередине храма, вокруг отверстия в полу, кучка молящихся следила сверху за происходящим у мощей богослужением.

Далее я повела своих милых спутниц к церкви Святителя Амвросия Медиоланского.

Люблю я этот старинный кирпичный храм. Его древность определяют голые, простые линии и закругленность романских арок. За алтарем мы поклонились смертным останкам вдохновенного певца «*Тебе Бога хвалимъ.*» Он в полном архиерейском облачении уже 16 веков покоится открыто на смертном ложе. Потрясающее впечатление производит вид этого изсохшего тела и пергаментной кожи, прилипшей к костям. Исполнятся положенные сроки, и при гласе трубном оживет Святитель и встанет в новой добро́те для жизни нестареемой.

И, наконец, Париж, куда мы приехали в тот же день вечером. Родные и знакомые поджидали нас на вокзале. Наша сплоченная, дружная группа распалась.

Паломницы-«весталки», несмотря на усталость, достойно завершили свой подвиг, отправившись с Благодатным Огнем на rue Daru.

Меня вновь поглотила семейная стихия. От описанных потрясающих недель остались лишь воспоминания!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Израильский лозунг: «В будущем году в Иерусалиме» — неизбежен во всех встречах между нами, паломниками, после поездки. У нас — ощущение, что мы в Париж попали случайно, что наш очаг — у Гроба Господня, что он нас влечет к себе обратно. Лейтмотив «возвращения» непременно проскальзывает в наших разговорах.

Когда мы имели честь посетить Патриарха Антиохийского, Его Блаженство беседовал с отцом Архимандритом и, узнав от батюшки, что мы в Иерусалиме проведем лишь 12 дней, всплеснул руками: «Ах, как мало! Ваше путешествие будет слишком сжатое!» Он подтвердил слова движением руки, как будто он что-то мял, комкал, и оказался прав в своем предсказании. Наше путешествие действительно получилось слишком сжатым, слишком обильным впечатлениями. И только теперь, вернувшись, мы начинаем это сознавать, когда все уже ушло так далеко. Эта неудовлетворенность неудержимо влечет нас туда опять — в избранный край.

Но для нас, русских, поездка в Святую Землю не должна трактоваться только как приятная прогулка. Ее глубокий смысл не исчерпывается также баней лич-

ного духовного возрождения от соприкосновения со следами Христа. Она является исполнением священного долга возобновления вековой традиции.

В начале XX века влияние России в Палестине достигло кульминационного пункта, но за последние десятилетия наша родина совершенно отвернулась от продолжения деятельности наших отцов.

Последнее русское групповое паломничество состоялось в 1920 году, когда хор кадет Донского Корпуса отправился в Иерусалим из Измаилии (Египет) под водительством приснопамятного протоиерея Димитрия Троицкого, впоследствии основателя церкви Серафима Саровского. С тех пор имели место лишь редкие единичные поездки.

Лютеране открывают школы. Католические массовые паломничества тяготеют к Иерусалиму. Новое Израильское государство меняет духовный облик страны. А русские люди как будто потеряли всякий интерес к тому поприщу, на котором наши предки так усердно поработали над мирным завоеванием сердец.

Мы должны преклоняться перед верностью и долготерпением наших соотечественников, которые, заброшенные в далекой Палестине, оторванные от европейской жизни, забытые, никогда не теряли надежды на возможность нового расцвета Православия в Малой Азии, на пробуждение нового интереса к миссионерству на Ближнем Востоке.

Скромные, но многообещающие зачатки этого нового Крестового Похода осуществил глубокочтимый архимандрит Мефодий. Никакая организация не финансировала нашей поездки. Она состоялась на наши личные средства или с пособиями по копейке собранными в приходах. Это дело исключительной важности удалось осуществить при нашей беженской нужде.

Прием, который мы встретили в Палестине, ясно показал, как дорого все местные жители оценили ту моральную поддержку, которую мы постарались им

принести. Они почувствовали, что они не напрасно трудились, оберегая десятилетиями русские владения, приобретенные дедами; что не зря они арабских детей обучают русскому языку; что высокие стены храмов, которые столько лет оглашаются лишь латинским и греческим пением, снова услышат славянские напевы; что русских людей неудержимо влечет приезжать и жертвовать свою трудовую лепту на Святую Землю.

Нас провожали с любовью, с сожалением и с горячей просьбой возвращаться. Вот ради этой просьбы, столько раз повторенной, и пишу я эти воспоминания, в надежде, что они привлекут в Палестину новых паломников.

Поездка — дело не легкое. На пути являются многие препятствия, страхи и опасения, но они не должны останавливать нас.

Лишь у редких из нас денежный вопрос не стоит ребром. Паломничество 1952 г. было организовано на началах самой строгой экономии. Уму не постижимо, как за столь скромную сумму мы смогли столько получить! Но для многих из нас накопление даже этой суммы является недосягаемой мечтой. Если бы союзы, общества, братства и т. д. приложили свое усердие, чтобы денежно помочь лицам, собирающимся в поездку, пополнением недостаточных средств? Если бы со своей стороны, крупные, богатые, активные приходы последовали по проторенной Аньером дорожке и организовали бы свои паломничества? А что, если бы и Америка, где русские живут более широко, прислала свой передовой эшелон паломников? Разбросанные по всему свету мы можем найти себе близ Гроба Господня родину по духу и сплотиться в любви к Единородному Христу.

Опасения другого характера сильно пугали меня. Хочу их перечислить и показать их неосновательность.

Я боялась отсутствия удобств и гигиены. Попали мы в чудно устроенный, крепкий, чистый дом. Вода,

правда, не текла рекой, но ее вполне хватало, чтобы содержать себя в требуемой жарким климатом чистоте. Мы ехали как паломники, а не как гастрономы, — ради изысканного стола. Все находили, что питание было вполне гигиеничным, достаточным и полезным. Во избежание дизентерии надо было быть осторожным в отношении питья. Теперь, когда все это прошло, мы забыли те несколько часов жары и жажды, те несколько дней недомогания, которые пришлось некоторым перенести.

Еще боялись встреч с туземцами, политических осложнений и этнических особенностей. Конечно, по дороге бывали затруднения: границы, визы, порою — угрозы вооруженных недружелюбных солдат. Но все это скоро улаживалось и теперь тоже забылось. Азиатский народ — полудикий; его реакции нам непривычны. В частности, обычай клянчить «бакшиш» очень возмущает приезжих.

Нам всем было приятно видеть, что русский язык среди арабов очень распространен, и что в Палестине живет очень много русских людей. Мы успели с некоторыми познакомиться. Они нас встречали как родных, — не знали, какое доставить нам удовольствие; они сопутствовали нам по магазинам; они доставали, чтобы делиться с нами, свои давно упрятанные сокровища: старинные иконы, кресты, священные книги.

Хочу приступить к изложению опасений самого интимного характера и, чтобы объяснить мою мысль, напомню паломничество Преподобного Давида Гареджийского (память 27 мая).

«Святой старец решил исполнить давнее свое же-
« лание поклониться святым местам в Иерусалиме...
« С некоторыми из учеников своих, он отправился в
« путь. Когда они дошли до высот, с которых открылся
«святым путникам Иерусалим, **внезапно страх овла-**
« **дел душою етарца**. «Как дерзну я, говорил он, обли-
« ваясь слезами, грешными стопами попирать следы
« ног Богочеловека!» Отпустив учеников своих во

« святой Град, сам в виду святого Храма Гроба Господ-
« ня, взял три камня со Святой Земли и пошел об-
« ратно.

«Но Господь не восхотел утаить от мира такой глу-
« бины смирения своего угодника: Блаженному Илии,
« Патриарху Иерусалимскому (20 июля), является во
« сне ангел и говорит: «Пошли в погоню за старцем,
« идущим по большой дороге в Сирию; у него в суме
« три камня; он унес с собою всю благодать Святой
« Земли, и одного камня с него довольно будет в благо-
« словение. Два же пусть возвратит в Иерусалим. Сей
« старец избранник Божий — Авва Давид Гареджий-
« ский».

«Посланные догнали святого старца, и он возвратил
« два камня...

« Камень, взятый из Иерусалима, до сих пор лежит
« на гробе Преподобного, и получают от него благо-
« датную силу исцелений.»

Страх, который овладевает душой при мысли о своей недостойности «**попирать следы ног Богочеловека**» показывает до какой степени мы почитаем святость Избранной Земли. Кто из нас его не испытывал? Кто не сознавал, что сам по себе факт поездки в Палестину к чему-то обязывает? Недаром обычай балканских стран дает особенный, почетный титул лицам, посетившим Иерусалим: сами они, их дети и родственники становятся «**Хаджи**».

Мы, — первые ласточки, — паломники 1952-го года, которые сподобились несравненного счастья поездки, достойны ли мы своего нового титула «Хаджи?»

Первый отпечаток, который путешествие положило на наши души, это **любовь к Иудее**, ее бледным камням, ее святым храмам, ее церковно-настроенным жителям. Каждый из нас старается помочь святым монастырям, святым церквам; старается собрать круг внимательного интереса к Палестине; старается принести вклад

своего опыта в осуществление и усовершенствование будущих паломничеств.

Все это хорошо! Но несравненно бо́льшая заслуга — жертва трудовая, жертва всей жизни! Некоторые боголюбивые души уже избрали этот путь. Некоторые, как и мы, долго вращались в эмигрантской среде, прежде чем прозвучал в их сердцах голос Христа, зовущего их в Палестину. Многое еще остается сделать! Работа ждет! Чем моложе, чем живее силы, — тем ценнее они!

Несравненная награда ожидает тех, кто отречется от наших газет и лифтов, удобств и суеты, чтобы посвятить себя голой Иудее. Они будут черпать от **благодатной силы ее святынь**. Их сердца будут **гореть стремлением послужить земной Родине Христовой** (Письмо из Вифании).

Жизнь на вдохновенных горах, с неотъемлемой радостью лицезрения Святого Града, жизнь, включенная в непрерывную с ветхих времен цепь чудес, жизнь, следующая примерам самого высокого аскетизма, не является ли желанной целью для истинного христианина?

КОНЕЦ

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. — В ДОРОГЕ

Отъезд 7
У Святителя Николая 8
Знакомство с Египтом 11
Малая Азия 14
Сайд-Найя 15
От Дамаска до Вифании 18

II. — ПАЛЕСТИНА

В гостях у Марфы и Марии 21
Паломники направляются в Иерусалим 24
Первое посещение Иерусалима 27
Достопримечательности Вифании 30

III. — ПОЕЗДКА К ИСТОЧНИКАМ НАШЕГО СПАСЕНИЯ

Вифлеем 33
Бассейн мудрого царя Соломона 36
Гробницы Патриархов в Хевроне 36
Дуб Мамврийский 38
Возвращение 40

IV. — ЭКСКУРСИЯ ПО САМАРИИ

Севастия и память Иоанна Крестителя 41
Сихарь и Самарянка 43
Эммаус 45

V. — УСПЕНИЕ

Гефсимания подземная 46
Второе посещение 48
Горная Гефсимания 50

VI. — ДЕНЬ ТРЕХ ТРЕЗВОНОВ

Приготовления 53
Сорокадневная гора 54
Вторжение в быт арабской семьи 56
«Deep-river» 58
Где лев стал кроткий, как ягненок 62
Мертвое море 64

VII. — ЕЛЕОН

Славный русский Елеон 66
Случай с митрой 69

VIII. — ВТОРОЕ ПОСЕЩЕНИЕ ИЕРУСАЛИМА

Два кладбища 74
«Харам-эл-Шериф» 79
По дороге к Храму 83
Милый дворик 86

IX. — ХРАМ ГРОБА ГОСПОДНЯ

«И двери затворились» 90
Святыни Храма 91
«На недвижимѣмъ Христе Камени» 97
Несколько слов о глазах 100
Ночь под сенью Храма 103
Литургия у Гроба Господня 107
Жестокий урок смирения 108
Прощай Святой Град Иерусалим 112

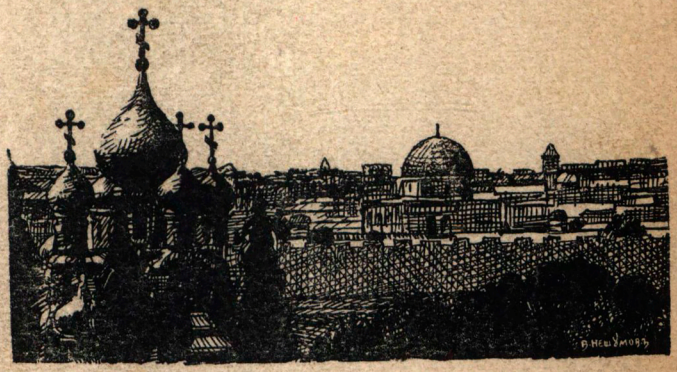
X. — ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

По знакомым местам 114
Некоторые итоги бытового характера 115
Здесь пахнет керосином 117
Город друзей 118
Разочарование туриста 120

XI. — ЕГИПЕТ

Мы покидаем Малую Азию 122
Каир 122
Загадка сфинкса 124
На корабле пустыни 125
Конец путешествия 127

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 129

Imprimerie Beresniak, 12, rue Lagrange, Paris (5e)

70